

Александр Тас

Бесконечный путь по циклической спирали

Часть 1

Александр Тас
Бесконечный путь
по циклической спирали. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994930

ISBN 9785448334382

Аннотация

Что такое человек? Каково его место во Вселенной? Как всё начинается и как всё заканчивается? Что движет этим миром и почему? В чём смысл нашей жизни? И что есть сама жизнь для каждого из нас? Ни философия, ни наука, ни религия не способны помочь нам в поиске ответов, потому что в конечном итоге всё сводится исключительно к вере, которая непременно уводит нас в мир фантазий. Что, если погрузиться в эти фантазии с головой? Может, тогда они станут реальностью?

Содержание

1	5
2	12
3	22
4	36
5	111
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Бесконечный путь по циклической спирали Часть 1

Александр Тас

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА СПИРАЛЬНОГО ВИТКА

© Александр Тас, 2018

ISBN 978-5-4483-3438-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Душный бар. Полумрак, довольно громко играет музыка. Но вот парадокс, чем больше пьёшь, тем больше кажется, что музыка играет совсем не громко. Ещё стопка — гвалт становится даже довольно сносным, ещё рюмка – в самый раз. Играет, кстати, какой-то олдскульный рок. Можно было бы сказать, что это рокерский или байкерский притон... Но интерьер, если его можно так назвать, точно не по тематике. Впечатление, что хозяин или не обладал вкусом или просто не стал тратить на это свои деньги и драгоценное время. Шумно, жарко, влажно то ли от пива, которое разлили на полу, и к которому теперь прилипают подошвы, то ли от пота людей, которые пытаются что-то изобразить в углу помещения на импровизированном танцполе, дёргаясь в судорогах эпилепсии под резкие и высокие ноты электрогитары, и мотая головой под бас ударных. Нелепая и дешёвая подсветка создаёт ощущение праздника и веселья... Вечер в разгаре, точнее, уже поздняя ночь. Публика пьяна, всё в сигаретном дыму, так, что кое-где просто тяжело дышать.

Но людям нравится. Они пришли сюда не с целью насладиться покоем и светской беседой, не то это место. Тут, скорее, можно без пользы провести время... Или лучше сказать, потратить... Если не считать пользой полупьяную девушку, которая ещё, может, будет в состоянии сдерживать

рвотные позывы, когда кто-то приведёт её к себе домой. Или если не считать удачей парня, который весь вечер казался таким милым, что не верилось, каким ветром его занесло в этот бар, но который съездил своей даме по челюсти, когда та убрала его руку от своей груди и дала пощёчину. Одним словом, классический кабак, в который превращаются почти все заведения средней паршивости с яркими барными стойками, неоновыми огнями и тёмными углами, в которых может сидеть кто угодно, занимаясь не понятно чем...

– Олееем!...

Очень шумно.

– Оолееееем!!!...

Не ясно, это музыка так орёт из колонки в углу, или же те парни по центру барной стойки.

– Бармееен, говнюк вонючий. Олем! Вот дерьмо... Олееем!!!

– Чего тебе?!

– Вискарь повтори.

– Разбодяжить содовой?

Тут Олем пожалел, что спросил это, таким суровым и холодным взглядом его одарил «просящий». Шутка явно не прошла, по крайней мере, клиент её не оценил.

– Дружкам своим малахольным и нежным будешь бодяжить, а мне чистый давай.

Бармен в принципе не любил те моменты, когда встречался взглядом с этим парнем, может, даже не любил самого это-

го парня, может, даже боялся его. Нннееет, это – не то чувство, скорее, он его слишком сильно уважал, слишком сильно чувствовал уверенность и непоколебимость этого парня... Да и вообще, парня ли? Бармен никак не мог оценить возраст этого человека... Слишком подозрительным казался этот тип. Порой бармен задавал себе вопрос: «А вообще, человека ли?». Он не верил, что человек может обладать такой энергетикой, только маг или чернокнижник из фэнтези.

– Понял, чистоганом...

Бармен снова замялся. Так бывает, когда один из собеседников чувствует превосходство другого и, не зная, куда себя деть, делает от этого много ненужных движений, к тому же много и не по делу говорит. Нужно теперь было как-то оправдать паузу.

– Пятьдесят?

Клиент медленно поднял голову. Глубокий, удивлённый и раздражённый взгляд.

Бармен проклял всё и готов был провалиться прямо тут хоть бы даже в самый ад, так нелепо он выглядел и чувствовал себя полным ослом, как школьник, которого отчитывала мама за первую двойку.

– Понял.

Сказав это, бармен решил засунуть свой язык себе в «задний карман джинс» и налил сто грамм самого хорошего виски, даже не разбавив его водой на всякий случай.

Человек, обладающий, по мнению бармена магией взгля-

да и нерушимой энергетикой, сидел на краю барной стойки поближе к углу, куда не падал свет от танцпола и неоновые блики от холодильника с алкоголем. Он просто выпивал. До диалога с барменом угрюмый грубиян выпил примерно три или четыре стопаря. Этот парень иногда заходил в бар, и чаще всего просто сидел в одиночестве и пил. Пару-тройку раз, правда, он был участником драк, причём эти драки были самыми запоминающимися и значимыми в истории этого «блудняка». С тех пор заядлые посетители и старожилы перестали рассматривать этого незнакомца как потенциального конкурента в борьбе среди местных альфа-самцов и возвели его в ранг неприкасаемых.

Вот и сейчас он сидел один. Никто не знал, как его зовут... Никто не решался к нему подойти. Он сидел на барном стуле, поэтому точный рост прикинуть было сложно, но, судя по крепкому плечевому поясу, не тощей шее и довольно длинным рукам, могло показаться, что рост его чуть выше среднего, да и бармен частенько замечал, что среди клиентов бара мало кто был выше этого человека, и когда тот сидел на стуле, а кто-то стоял и наоборот.

Во всём чёрном. Штаны – кажется, чёрные очень плотные джинсы. Бадлон, с вырезанным самостоятельно горлом и необработанными краями, тоже чёрный. Чёрные ботинки с плотной шнуровкой. Даже волосы, небрежно подстриженные и уже немного отросшие, тоже чёрные. Одним словом «мутный тип», отщепенец. Казалось, что он какой-то байкер.

– Твой вискарь!

Бармен не знал, как обращаться к этому человеку, но всё-таки набрался смелости и решил не церемониться.

Странно то, что хотя Олему было двадцать восемь и он явно чувствовал, как прогибается под характером этого «уро-да, мать его», бармен никак не мог определить, сколько тому лет. Не мог определить даже примерно. Иногда ему казалось, что не больше тридцати, ну, может тридцати пяти. Но порой, он видел на лице незнакомца чуть ли не вековую печать времён. Тогда казалось, что перед ним старец, проживший всю жизнь, но не нашедший в ней радости, или что он смотрит на ветерана войны, который вернулся с множества полей брани и отчуждённо смотрит на сделавшийся чуждым окружающий его мир радости и беззаботного веселья.

А самое интересное то, что бармен никогда не мог точно и детально вспомнить лица этого странного человека, а иногда ему даже казалось, что у того несколько лиц, похожих, но не одинаковых. Это странно, но это было так.

Очень шумно... Как будто Олема никто не услышал. Бармена это смутило и снова напрягло. Он начал было смущаться и нервничать, не зная, что ему дальше делать.

– Виск...

Человек за стойкой сполз со стула, словно ленивый медведь спускается с берложкой насыпи к себе в нору.

– Вот деньги за всё... И за вчерашнее тоже... Тут должно хватить.

– Круто, а то конец недели, мне кассу сдавать, отчётность, ну... Кредит там, дебет. Спасибо, ёк-макарёк!!!

Тот, кого бармен считал байкером, уже прошёл мимо, но вдруг резко остановился и замер. Он держал кожаную потёртую куртку в руке, переложил её в другую руку, потом расправил, не спеша надел. Бармен напрягся, почувствовав, что что-то не то сказал, но никак не мог понять что. От этого он судорожно перебирал мысли в голове, но ничего не находил, так как всё, что было путного улетучилось с двумя стопками водки, которые он накинул себе за воротник этой ночью. Но кроме этого парень почувствовал жуткий страх, животный ужас как перед неизбежной карой.

Человек во всём чёрном неотвратимо, как приговор, подошёл к бармену и тот благодарил судьбу, что между ними была сейчас барная стойка шириной полметра.

Когда байкер немного склонился и приблизился к бармену, казалось, что это конец. Но тот лишь произнёс глубоким, властным и негромким голосом так, как отец учит непутёвого маленького сына поучительным тоном.

– Ты знаешь, что значит «спасибо»?

– ...Н-н-нуу, т-типо... Д-да... Типо, благ-год-дарность... К-как бы.

– Дарить блага будешь кому-нибудь другому, мне от тебя ничего не нужно.

– Я не понимаю...

– И не поймёшь. «Спасибо» – это «спаси бог».

– Ясно.

– Меня спасти не от чего, я ничего плохого хорошим людям не сделал. Понял?

Бармен начал приходить в себя, осознав, что разговор вроде бы течёт в спокойном русле.

– Ага... То есть, да, понял.

– Так что ты там сказал-то? Повтори.

Снова пошло напряжение, и все те тревожные чувства опять начали возвращаться вместе с дрожью в коленях. Бармену стало дурно.

– А что?

– Ты, бляха, сказал: «Спасибо, ёк-макарёк.».

– ...

– Так вот... Не богохульствуй.

Таинственная улыбка появилась на лице байкера. Эта улыбка была с какой-то хитростью и усмешкой, но то ли доброй, то ли издевательской усмешкой было не ясно.

Последние слова проговаривались очень медленно, отчётливо, членораздельно, нравоучительно и с актёрским выражением.

Уже потом когда бармен придёт в себя и начнёт детально вспоминать, что же случилось... Он усомнится, открывал ли рот байкер, когда произносил последнюю фразу, или слова просто звучали в его голове.

2

На улице было сыро и уже довольно поздно. Точнее сказать, время близилось, скорее, к раннему утру, но ночь ещё была полноправной хозяйкой окружающей природы. Ночь. Темнота. Сырость. Окутывающий холод, который проникает в плоть, наделяя сознание безысходностью и тревогой. Ещё этот мерзкий мелкий дождь. Даже не дождь, а влажная взвесь в воздухе от стопроцентной влажности. Её не видно, но чувствуешь, как на твоём лице конденсируются и оседают капли воды.

Сегодня было темно как-то по-особенному. Может быть, в этом были виноваты просто тучи, затянувшие почти всё небо. Но, вероятнее, всё дело в том, что часть улицы просто не была освещена. В баре говорили, что какие-то проблемы на подстанции, и энергии хватает только на половину «этого чёртова захолустного городишки». Причём продлится это до понедельника, потому что только в понедельник приедет ремонтная бригада специалистов из мегаполиса, чтобы починить «эту срань», а на выходных никто не будет отрываться свой зад от мягких диванов ради нескольких тысяч человек, сидящих без света и электричества.

Человек стоял на пороге бара под козырьком навеса при входе. Перед ним была безлюдная улица. Мокрая. Прямая. Дорога уходила метров на триста по прямой. Освещена она

была только на половину, посередине проходила стёртая прерывистая разделительная полоса. Причём было не ясно, действительно ли, она кое-где стёрлась от времени, или изначально её рисовали пунктиром абы как.

Молчаливый байкер тоже заметил, что ночь сегодня въедалась в глаза, и это было немного странно. От этого звёзды, встречающиеся на клочках неба, там, где тучи иногда разрывались, казались особенно яркими, как ксеноны мотоцикла, который стоял неподалёку, шагах в четырёх.

Байкер попытался найти на небе луну, просто ради интереса. Он поймал себя на этой игривой мысли. И улыбнулся пьяной ухмылкой. Игра в поиски луны его действительно позабавила... Он сам иногда удивлялся своей «находчивости».

– Какой затейник, однако... – сказал он сам себе.

Но, так ничего не найдя на небе кроме огромных серо-чёрных туч, байкер резко переменился в лице. Оно приняло свои обычные черты жёсткого, раздражённого, подозрительного человека. Байкер втянул побольше соплей через нос, смачно харкнул, набрав в рот всё, что накопилось за время, когда он вышел из влажного теплого кабака на влажную и холодную улицу и смачно плюнул в сторону, противоположную той, где стоял его мотоцикл.

– Сраная гадская погода, не хватало ещё заболеть.

Рука потянулась в карман короткой кожаной куртки, которая практически идеально сидела на крепком торсе, повторяя все бугры мышечной массы, не раз спасавшей в раз-

ных передрягах. Байкеру хотелось курить. Хотелось даже не столько курить, сколько почувствовать что-то тёплое внутри. Дым от сигареты как раз подошёл бы для этого. Поиски пачки продлились несколько секунд. К счастью в ней осталось ещё три или четыре сигареты.

– Оооо! Как раз хватит до утра.

Дым приятно окутывал лицо и даже немного согревал, даря что-то вроде надежды и уюта в такую погоду, а яркий оранжево-красный уголёк чарующе дразнил, то разгораясь при каждой тяжке, то немного затухая, и тлея.

Так человек стоял и курил. Взгляд был полностью теперь прикован к этому огоньку на конце сигареты. Вот байкер поднёс ко рту остатки никотиновой радости, затянулся, прищурив глаза то ли от удовольствия, то ли, наоборот, от неприятного избытка ядов, которые попали в лёгкие от глубокой и длительной затяжки. Глаза смотрели только на край сигареты, изучали тление табака и папиросной бумаги от разгорающегося угля. Байкер явно о чём-то думал. Даже лицо стало более расслабленным, более философским, более мягким. Он полностью погрузился в себя, абстрагировался от всего мира.

В кармане что-то сильно завибрировало. Байкер резко очнулся и пришёл в себя. Это было настолько неожиданно, что у него пробежала дрожь по телу, начиная от места в районе кармана, где лежал телефон, до центра спины и вверх по позвоночному столбу до затылка. Эта дрожь в затылке и при-

вела сознание в чувство. Байкер даже удивился, как он мог настолько отключить своё внимание, что полностью потерял концентрацию и самообладание. А когда он осознал, что в таком состоянии находился по всей видимости несколько минут, пока курил сигарету, то был в ярости, что позволил себе такую слабость и беспечность.

Но телефон всё ещё звонил. Нужно было ответить. Причём байкер точно знал, что ответить необходимо, что это очень важно. Поэтому, не торопясь, как будто зная, что на том конце точно дождутся, он достал трубку старого потёртого телефона-раскладушки, с которыми уже практически никто не ходил, и ответил.

– Говори.

– Я тоже рад тебя слышать...

– Говори.

– Ты знаешь, почему я звоню?

– Говори, бя...

– Сегодня.

– Что сегодня?

– Это случится сегодня.

– Что случится?

– Ты знаешь что...

Байкер действительно знал, что должно случиться. Он точно это знал, он был в курсе всего. Кроме того, что он это знал, он ещё это очень хорошо чувствовал, очень чутко ощущал это, что казалось ему куда важнее, чем то, что он это

знал. Именно чувство было самым правдивым доказательством, самым неоспоримым фактом того, что так всё и произойдёт, именно чувство, а не знание... Он искренне верил в это. Оставался только вопрос: «Когда?».

– Значит сегодня?

– Да.

– Где?

– Где мы предполагали.

– Это точно?

– Информация достоверная. Мне сообщил её наш общий друг.

– Друг?

– Да, наш соратник.

– Кто?

– Ты называешь его «Историк-праведник».

– Иофан?

– Да. Он... Его больше нет.

– Он есть, ты знаешь это не хуже меня.

Голос байкера в трубке телефона сделался очень раздражённым, даже злым. На том конце казалось, что собеседник выходит из себя и сильно заводится... Вероятно, это было как раз то, что нужно. Незнакомец продолжил спокойным, размеренным тоном, как будто читал проповедь о жизни и смерти.

– Его нет среди нас.

– Да ты задрал меня! Я уже понял!

– Не выходи из себя, сконцентрируйся на деле.

Невозмутимый тон окончательно добил байкера, он был готов взорваться как бочка, начинённая динамитом. Ему неистово хотелось разбить кулаки до костей, чтобы выместить злобу на чём-то, но лучше на ком-то... И он, кажется, знал на ком.

– Ты готов?

– Ага...

– Ты что пьян?

– Ага.

– Это может помешать делу.

– Когда мне мешали патрули на дороге?

– Ты прав, никогда. Будь осторожен. Это очень...

– Важно, я знаю. Ещё кто-нибудь есть?

– Только ты.

– Бляяя...

– Удачи.

– Удачи нет, ты знаешь и это.

– Удачи.

Разговор был закончен. После него байкеру сразу стало не по себе. Волнующее чувство, когда от выбора зависит очень многое, и выбор этот не между водкой и виски в баре, а кое-что малость поважнее. Но вскоре он понял, что гнетёт его не выбор... Выбора по сути не было. Его беспокоит осознание того, что дальнейшее развитие событий зависит теперь только от него и больше ни от кого. Только он со своей

верой и характером, его телом и силой ума. Больше ничего и никого. Если что-то из этого окажется недостаточно сильным, если какое-то звено этой простой цепи выпадет, то рухнет всё. Байкер переживал, боясь оказаться слабым в чём-то, боясь оказаться неготовым и не оправдать надежд, прежде всего своих. И слова в мобильном телефоне лишь усилили в нём эту тревогу: «Только ты...».

– Вот падла... Ненавижу его за это... Знает и издевается... «Только ты.», – вот падла! Падла!

Байкер перешёл почти на крик, хотя был на улице совсем один, и его никто не мог ни услышать, ни увидеть. Он чеканил шаги вокруг мотоцикла и ругался то ли на себя, то ли на голос в телефоне, то ли на весь мир сразу:

– Падла, падла... Аааааа!... Падла!

Нервы байкера начали сдавать. Он дёргался и расходился всё больше. Ярость постепенно заполняла его сердце, и этот человек мог сорваться сейчас на ком угодно. Куртка и штаны байкера промокли, так как влажная взвесь превратилась уже в стабильную морось.

Самообладание взяло верх над сущностью этого крепкого, плотно сложенного и взбешённого человека. Постепенно он пришёл в себя, уставившись на мотоцикл. На чёрном бензобаке виднелось отражение лица, очертания которого он не мог различить и сам. Может быть, это – вода заливала глаза, капая с мокрых давно не стриженных волос, может, это – капли жидкости на мотоцикле мешали разглядеть своё отра-

жение, а, может быть, само лицо уже давно потеряло чёткие линии и контуры. Всё равно.

Окончательно придя в себя, байкер поймал внутри себя чувства неотвратимой отваги и решимости, постаравшись сконцентрироваться на них, держа про запас весь гнев бунтарского духа. Он знал, что сейчас как раз это и важно.

К нему, как будто бы, пришло понимание, почему именно он оказался тем, кто должен разрешить ситуацию... Почему телефон зазвонил именно у него. Конечно, полностью всего он не осознавал, но, как ему казалось, догадывался, принимая такой порядок, как должное.

Взглянув ещё раз на небо, он снова не нашёл там луны, только быстро бегущие облака с редкими разрывами, в которых ярко светили концентрированным светодиодным сиянием звёзды. Он попытался напоследок всё же отыскать луну. Какая она сейчас? Но всё было тщетно.

– Вот падла, – снова произнёс байкер.

Дольше смотреть вверх было невозможно, потому что с неба уже капали струи дождя, и ледяная вода противно заливала лицо. Он стёр всю влагу с лица ладонью, которая ещё пахла табаком от сигареты и зачесал волосы назад с помощью пятерни. Подойдя к мотоциклу, человек вытащил шлем из-под сетки на сиденье. Все знали, чей это мотоцикл, а значит, чей это шлем, поэтому обходили его в радиусе двух метров, и уж, конечно, ни у кого не возникало мысли, взять шлем без спроса.

Кинув последний прощальный взгляд на небо одновременно с надеждой, отчаянием и просто так из любопытства, байкер надел шлем и опустил защитное стекло-забрало. После этого он сел на своего надёжного чёрного металлического «напарника», смиренно стоящего, но с нетерпением ждущего своего часа, и подумал: «Темнее всего перед рассветом.».

Потом человек завёл свой байк, но почему-то помедлил. Склонив голову, он подумал ещё раз, перефразировав: «Темнее всего всегда перед рассветом».

Мотоцикл, томящийся до этого без дела на холоде, и явно скучающий по ветру и скорости, мерно и напористо заурчал, как бы красуясь перед товарищем восседающим сверху. Но как только кисть ездока несколько раз скрутилась на рукоятке руля, этот чёрный зверь издал ровно столько же мощных и яростных рычаний. Теперь стало ясно, что эта парочка настроена весьма решительно, и, вряд ли, найдётся сила, способная заставить их свернуть с намеченного пути.

Ночь, мрак, мокрая дорога, холод – ничто не помешает им доехать до места назначения. Бак почти полный, сомнений уже больше нет. Нет больше и страха... Есть только цель, и дорога к этой цели.

Дождь всё расходился, капли уже отчётливо разбивались о мокрый асфальт. Кое-где были лужи. Заднее колесо с визгом зажужжало, прокручиваясь по влаге на дорожном полотне, мотоцикл немного занесло, но крепкие руки и торс

сдержали буйный рывок стальных мускулов байка. Мотоцикл прижало к дороге собственной массой, плюс весом седока, и только после этого байк сорвался с места, быстро ускоряясь по центру дороги с двухполосным движением, рядом с той же стёртой, той же плохо освещённой прерывистой линией. Доехав до конца прямого участка, мотоцикл резко накренился и ушёл в поворот. Очень скоро он исчез вдалеке, превратившись в тёмное пятно на тёмном фоне.

После того, как байк скрылся, а шум грохочущего мотора стих, на улице не осталось никого. Тучи на маленьком участке неба немного рассеялись, и из-за них показалась яркая, пышная, рыхлая луна, словно издеваясь над брутальным человеком в чёрной одежде и чёрным мотоциклом. Но байкеру было уже всё равно. Короткие минуты романтизма прошли, и ему сейчас не нужна была ночная подруга, которая дала бы немного света и надежды этой тревожной ночью. Теперь он мчался по шоссе в паре с надёжным товарищем, который никогда его не предавал... А свет капризной своенравной луны был уже ни к чему. Подачек и одолжений этот суровый человек ни от кого не ждал. Он к этому не привык, и просто не мог себе такого позволить. «Только ты», – звучало в голове как приговор. Надеяться нужно было только на себя и на свой байк, так как ночь пока была тревожной... Но обещала быть жуткой.

3

Стрелка спидометра стабильно застыла на штрихе с цифрой девяносто и даже на поворотах не опускалась ниже, благо, что повороты эти были не крутыми, а, скорее, плавными, затяжными и округлыми с большими радиусами. Поэтому чёрный горячий стальной байк, грозно и мерно рыча, рассекал ночную мглу, вонзаясь в неё как раскаленный кусок металла сквозь мутную тёмную от окалины воду. Передний фонарь на рулевой вилке освещал мокрую полосу асфальта. Этого спасительного света вполне хватало, чтобы почувствовать надежду в этом царстве тьмы и мрака. Отблески от луж и капель на дороге делали её необычайно живописной и таинственной, словно это был не твёрдый асфальт, а мерцающий, искрящийся слюдой и серебром млечный путь, который ведёт протагониста через царство тьмы к заветной цели... Или же в никуда. По краям дороги галечные обочины, и сразу же пологие кюветы, словно свернуть уже никак нельзя и никуда не деться с этой проклятой дороги. А за кюветами высятся молчаливые стражи из вековых елей и сосен. В темноте различимы лишь чёрные силуэты этих смиренных и суровых исполинов, которые только взглядом и сдавленным стоном-скрипом сочувственно провожают раскалённый кусок чёрного металла с овалом светлого пятна от фары-пржектора перед ним. Но на скорости девяносто километров

в час по мокрой дороге деревья не различимы в темноте, и кажется, что трасса проложена между двух высоких чёрных стен.

Байкер держал дорогу очень уверенно... «Не первый год за-мужем...», – мелькнуло у него в голосе, и на лице проскользнула ехидная усмешка, застыв на уголке губ. Он был сейчас определённо доволен собой, даже умудрился пошутить над своей неприкасаемой персоной, что случалось довольно редко, но, как ему самому казалось, весьма метко. Надо отдать должное, иногда это, действительно, было «метко». Теперь уже в голове прояснилось, и первоначальная нервная паника со страхом сменились на злобу, решимость и ярость. Всё это приправилось изрядной порцией сарказма и дерзости, а потом появились ещё азарт и кураж. В целом – прекрасное настроение для продолжения «вечера», а «вечер» совсем не обещал быть томным, это байкер знал наверняка.

Настроение стало возбуждённым и по-бойцовски игривым... Если бы сейчас можно было включить музыку, то на всю катушку рубила бы команда «Devil driver» с треком «Clouds over california». О да, метал – вот что любил этот человек в чёрном. Качественный, жёсткий, надрывный и мелодичный метал. Музыка, которая наполняла его сущность какой-то особенной силой, открывала в нём новые возможности, как тела, так и духа, а байкер точно знал, что связь между ними прямая. Иногда ему даже казалось, что музыка эта открывает его с какой-то другой, может даже тёмной

стороны, даёт ему то, что он не может получить от стороны светлой. Пусть так... Его это сейчас вполне устраивало.

В свете фонаря мелькнул отражателями предупреждающий дорожный знак «Слияние двух дорог через двести метров».

В голове байкера сразу возникла мысль, возможно даже, он произнёс её вслух:

– У меня главная!

Причём, как ни странно, так гласил знак, а не дерзость лихого эгоиста. Но даже если бы он ехал по второстепенной, примыкающей дороге, скорее всего, мысль осталась бы прежней, и эта фраза превратилась уже в вызов, который принять лишились бы далеко не все.

К счастью в этот раз конкурентов в битве «за территорию» не оказалось. Брутальный наездник ещё пару секунд подержал взгляд в стороне дороги, примыкающей к его трассе. Не увидев никого на открытом участке пути, он безразлично повернул голову обратно в направлении своего движения. Грозный байк чуть усилил своё рычание, поддав немного скорости движению.

Опасный участок почти миновал, никого вокруг нет, можно сконцентрироваться и продолжить маршрут, ведь цель уже очень близка. Стоило так подумать, и тут же воплотился избитый сюжет всех фильмов, когда наперерез мотоциклу с той самой второстепенной дороги вылетел искрящийся белым металлик дорогой, шикарный автомобиль в спортив-

ном кузове новой модели. Байкер лишь успел заметить, как его слепит неоном дальнего света отражение в зеркалах заднего вида, установленных на рулевой вилке. Потом он услышал быстро нарастающий, а значит, приближающийся протяжный вой, видимо, очень мощного зудящего мотора. Поняв, что сейчас его будут таранить, байкер успел сгруппироваться и впился крепким телом в свой байк, сделав себя и ревущий кусок стали единым целым. Решительно, быстро, но плавно и манёвренно он придал траектории своего движения короткую дугу, когда враждебный и агрессивный автомобиль попытался на повороте в лёгком заносе на мокрой дороге сбить сходу чёрный байк.

Реакции наездника хватило, чтобы уйти от столкновения, а может даже, чтобы спасти себе жизнь. Осуществляя этот опасный манёвр за мгновения, на обострённых рефлексах уходя от откровенного тарана, хорошо чувствовалось, как проскальзывает заднее колесо на мокром асфальте, и лишь несколько градусов наклона отделили мотоцикл от падения, байкера от удара, жизнь от смерти. Но сейчас голова была забита не этим, в организме уже не было ни крови, ни нервов, ни мышц, ни скелета, ни органов... Был лишь сплошной адреналин и гнев. Байк описал на дороге ещё пару подобных полудуг, только уже более плавных и растянутых по траектории. Дерзкий лихач уже оказался впереди и начал даже отрываться, дразня сочными, яркими красными габаритными огнями фар, которые отражались во влажном воздухе и кап-

лях дождя тревожным цветом крови.

Внутри у байкера что-то сжалось, он снова испытал животный страх и безысходность перед чем-то, что гораздо больше него... Больше и сильнее, сильнее и грандиознее. Он резко почувствовал себя ничтожным, слабым... Беспомощным и обречённым. В памяти всплыли слова из трубки мобильного: «Только ты». Но бушующий в теле адреналин не дал снова распространиться этим мыслям и гнетущим чувствам. В конце концов, обратного пути уже не было. Безысходность в принятии решения, но безысходность осознанная, он сам выбрал эту безысходность, выбрал её и принял. Он это знал, понимал всё и осознавал себя во всём. Он чувствовал и смиренно исполнял то, к чему был теперь абсолютно готов. Судьба? Нет. Путь! Выбор!

Руки ещё крепче впились в руль, мышцы сократились до предела, застыв монолитным камнем. В поршнях мотора сторела ядрёная порция топлива, и в металлическом звере появились новые силы. Байк легко и напористо начал прибавлять в скорости, давно перевалив за сотню. Хозяин как будто спустил его с поводка и разрешил немного порезвиться на дороге, но только подконтрольно и аккуратно. И вот этот чёрный зверь начал понемногу демонстрировать свои возможности, скаля клыки, сверкая хромовыми деталями, намеренно поигрывая мясистыми стальными чёрными лапами, нарочито прихватывая полотно дороги крепкими и острыми когтями. В любую секунду этот мощный и редкий зверь мог

превратиться в свирепого мутанта, но пока было достаточно и этого задора. К тому же дорога была мокрая и опасная.

Почти сразу дерзкий наглец на дорогом авто был достигнут. Байкер ехал уже по встречной полосе, чтобы обогнать дорожного хама. Если сказать точнее то, обогнать было нужно «эту мразь ублюдочную», именно эти слова вырвались у байкера после того, как он вывел мотоцикл в устойчивое положение после откровенной атаки со стороны шикарной спортивной машины.

Но, поравнявшись с дверью водителя, и посмотрев в салон кузова, байкер обнаружил, что его не воспринимают в принципе, якобы не догадываясь о факте его существования на этой дороге. Но безразличие это было, явно, напускное.

– Вот сука... – спокойно произнёс вслух человек в чёрном.

Сказал он это тихо, без эмоций, больше для успокоения самого себя, чем для наглеца в машине. В этот момент, лицо водителя повернулось и как бы недоумённо и растеряно, смутившись, скорчило гримасу удивления. Если бы не надменный фон и усмешка, которые составляли основу этой наигранной эмоции, то можно было бы поверить в искренность водителя, а так было абсолютно очевидно, что тот просто усмехается и даже издевается над байкером. И теперь уже точно стало ясно, что там, на перекрёстке, автомобиль не просто не заметил байкера и случайно подрезал его на по-

вороте, а намеренно шёл в стык, сбивая того с дороги. Со-мнений быть не может, «кошка знает, чьё мясо она съела», только вот смущаться и переживать из-за этого она была не намерена.

Байк издал мощный, утробный рык, и чёрный монстр резко ускорился, сорвавшись с параллельного машине курса, добавив в динамике и скорости, несмотря на то, что оба спидометра до этого момента замерли на отметках сто де-сять километров в час. Байкер вырвался вперёд и резко дал по тормозам. Шикарное белое авто практически сразу от-реагировало на манёвр, применив экстренное торможение. Шум дождя пронзили высокие ноты визжащих тормозных колодок и стонущих дисков, а из-под колёс потянулся едкий чёрно-серый дымок от горячей резины покрышек. Водитель белоснежного спортивного автомобиля мог запросто не тор-мозить, ведь хуже от этого было бы не ему, а байкеру, однако, он сделал это, скорее, рефлексивно, даже больше от неочи-данности.

Наступила тяжёлая пауза. Ночь. Тёмное загородное шос-се. Холодно и сыро. Дождь. Вокруг никого. Раскалённая от кипящего нерва ситуации атмосфера давила на плечи обо-их.

Мерный гул капающей с неба воды превратился в постои-анный шум, на который уже никто не обращал внимания. Это, как помехи в эфире, когда нужен отклик на сигнал «sos», но несколько месяцев нет ничего, кроме шума радио-

волн, и шипение уже воспринимается, как символ того, что никто не ответит... Никого нет... Одиночество... Покинутость... Полная изоляция.

Руки водителя машины сжали руль, покрытый дорогой кожей. Этот незнакомец совсем не боялся загадочного байкера в чёрном, он прекрасно понимал, что сделал несколько минут назад, потому что сделал это намеренно. И теперь водитель авто смотрел на соперника исподлобья, не отводя сконцентрированный взгляд, тем самым откровенно бросая ему вызов. Дальше ехать было уже нельзя, так как мощности у машины явно не хватит, чтобы беспрепятственно столкнуть этот тяжёлый надёжный байк с пути, а расстояния для разгона после полной остановки осталось слишком мало, и этот, безусловно, агрессивный и резкий автомобиль не сможет набрать приличную скорость для нужной инерции. Лишних движений тоже лучше пока не делать, ведь никто не знает, что на уме у этого парня на мотоцикле. Никто не знает, на что он вообще способен после того, как он ловко и без проблем увернулся от дерзкого манёвра, когда, казалось бы, исход был предрешён.

«Этот хорооош. Весьма хорош», – подумал лихач за рулём автомобиля – «Посмотрим на твоё поведение. Что ты будешь делать дальше? Даааа... Я просто заинтригован».

Лихач ловил каждое движение байкера, он был предельно сосредоточен, понимая, что теперь поставлено на карту, и осознавая, кто перед ним на самом деле. Водитель авто-

мобилия подозревал, какого калибра этот человек, и на что тот способен после того, как его намеренно чуть не отправили в мир иной, а потом плюнули в лицо хамской усмешкой. Положение осложнялось тем, что этот чёртов дождь заливал лобовое стекло. Из-за этого силуэт человека в чёрном становился размытым, а задний габаритный предупредительный фонарь байка ещё и немного слепил ярким пятном, дополняя картину сочными бликами гранатово-красного цвета, не предвещающими ничего доброжелательного и хорошего.

Байкер сидел полубоком, плотно уперев ноги в серый асфальт, напрягая до судорог мышцы бёдер, чтобы удерживать тяжёлый чоппер. Он развернул торс в пол оборота и смотрел на обидчика по ту сторону лобового стекла. Всё тело поджалось, как будто по нему сейчас проходил лёгкий разряд тока такой силы и частоты, что мускулы сократились до предела, и пошевелиться самостоятельно уже было очень трудно. Концентрация стала запредельной. Нерв был настолько велик, что байкер чувствовал, как непроизвольно пульсирует челюстная мышца. Человек в чёрном разделял все чувства и опасения того, кто сидел в салоне машины, а у того, в салоне, точно так же непроизвольно пульсировала сейчас вена на виске лысого черепа.

Ни слова, ни жеста... Ничего. Только радиопомехи холодного дождя в эфире этой тревожной и напряжённой ночи. Полная изоляция и отрешённость от окружающего мира. Вся

тяжесть бесконечно вечной ночи теперь навалилась на этот клочок пространства и умещалась тут, в круге радиусом двадцать метров, центром которого был байкер на раскалённом мотоцикле и ночной лихач во взрывном спортивном автомобиле. С одной стороны – потревоженный и укушенный исподтишка чёрный зверь, который был свиреп и зол, с другой стороны – неизвестный, быстрый и поэтому очень опасный белый хищник. Оба сильны и достойны. Но каждый не решается начать атаку первым, потому что подозревает, что она может закончиться, даже не начавшись.

– Да пошёл ты, урод! – неожиданно вырвалось у байкера.

Напряжение сразу спало. Он вытянул правую руку, чтобы она была поближе к стеклу обидчика, и тот мог бы разглядеть её наверняка. Затем крепко сжал кулак и выпрямил средний палец, застыв в таком положении на несколько секунд, чтобы лысый лихач смог насладиться всей прелестью и грацией увиденного. После этого, сохраняя данную позу, байкер ёмко, чётко и громко произнёс всё, что накопилось за эти минуты нервного стресса.

– Тварь паскудная, бля..!

Этих слов водитель авто не услышал, но, несмотря на струи дождя, стекающие по лобовому стеклу, он прочитал фразу по губам, как раз в тот момент, когда «дворники» стёрли всю влагу.

В ответ дерзкий лихач ещё больше увёл подбородок к шее, оставив на виду практически одни глаза, которые теперь ста-

ли какими-то зловещими и необычайно пронзительными. Кажется, байкер заметил даже ухмылку, но лучше бы он её не замечал. Потому что эта кривая улыбка не сулила ничего, кроме тревоги и неопределённости. Было очевидно, что автолюбителю явно нравилась эта «игра на нервах», позиций в которой он не сдавал, до конца держа марку, в отличие от человека в чёрном. А судя по тому, как лихач отреагировал на выходку байкера, у него явно были какие-то козыри или карточки с бонусами в рукавах.

– Вот тварь! – снова выругался человек на мотоцикле.

Он резко развернулся, поставил одну ногу на подножку байка и врезал по мотору щедрой порцией горючего. Объёмный и мощный движок жадно сожрал всё количество бензина, израсходованное байкером сгоряча. Чоппер издал оглушительно-повелительный рёв, как бы предупреждая о том, чтобы нападающий впредь держался подальше от территории чёрного мутанта. Заднее колесо завизжало, прокручиваясь по мокрому покрытию дороги, а когда седок убрал вторую ногу с асфальта и обрушил всю свою массу на сиденье своего «напарника», тот покорно принял эту ношу, прижался к дороге и под совместной тяжестью сорвался с места, быстрыми, динамичными и могучими прыжками удаляясь от места стычки.

В кабине белого хищника было тихо и невероятно напряжённо, шум дождя был только на улице. И если там ощущалось хоть какое-то чувство природы и жизни, то тут, внутри,

стояла полная тишина, могильная тишина, жуткая, как в гробу. Эта тишина была пронизана неистребимой, абсолютной злобой. Наглая и надменная усмешка теперь спала с лица. Но осталась вена на виске полностью лысой головы, вздущаяся ещё больше, и пульсирующая ещё быстрее. Позу хозяин машины так и не поменял. Руки остались на руле, голова опущена, подбородок прижат к шее. Только, вот, теперь, в этом зловещем безмолвии стало слышно, как захрустели хрящи на пальцах рук и кости в локтевых суставах, с такой силой и ненавистью эти руки сжали рулевое колесо. Рукава белой дорогой рубашки с запонками на отворотах плотно обтянули вздущиеся от напряжения сухие, жилистые и венозные мускулистые руки. А глаза... Эти жуткие глаза. Молчаливая «игра» прошла, осталась в прошлом. Притворное и наигранное настроение сразу спало, и теперь в глазах была только злость, нестерпимая ненависть и непримиримая жестокость.

– Беги, пока можешь. Тебе это всё равно не поможет. Я даже дам тебе немного форы.

Стекло двери опустилось, из неё появилась рука. Ладонь сложилась в форму лодочки, и в ней сразу стал скапливаться дождь с неба. Человек в машине умылся холодной леденящей водой и как будто снова пришёл в себя. Глаза снова прояснились, стали лживо приятными, а лицо приняло фальшивую маску пристойности и учтивой приветливости. Гламурный и стильный любитель дорогих авто открыл секретку

у зеркала заднего вида и достал оттуда изящные деловые очки в тонкой и дорогой оправе. Не спеша надев их, он заново настроил зеркало, которое случайно задел рукой, потом передвинул ручку коробки переключения передач из нейтрального положения и посмотрел вдаль, как бы проверяя, скрылся ли из виду его оппонент или ещё нет. Теперь, когда стихшая ярость полностью заглушилась, он снова вернулся к прежней «игре», в которой чувствовал себя прекрасно. Сейчас стильный франт словно красовался перед собой, но в этом и был он весь. Часть природы заставляла его исполнять придуманную себе же роль от начала до конца, и нельзя сказать, что ему эта роль не нравилась. От всего этого он даже чувствовал некий азарт и кураж.

– Беги. Всё равно шансов нет. Скоро ты в этом убедишься...

Роскошный спорткар резко сорвался с места, пронзительно и громко выдавая жёсткие ноты работы двигателя. Надсадный вой настигающего добычу охотника взорвал только-только сформировавшуюся ночную тишину. Машина быстро скрылась в дали, проворно нырнув в поворот. Тревожный рёв ещё отдавался эхом несколько секунд, но вскоре стих и он.

Место, где недавно кипели страсти, и копились эмоции, грозя разразиться ядерным взрывом, накрыв ударной волной всё вокруг, опустело. И ничего уже не напоминало о том, что происходило тут буквально недавно. Всё та же печально оди-

нокая ночь. Сырая и озлобленная. Холодная и таинственная.
Полная отчаяния... И чьих-то надежд.

4

Дорога уже не казалась такой бесконечной, она не была ни нудной, ни интригующей, пропало наслаждение от ощущения движения во мраке, исчезло настырное чувство стремления вперёд вопреки погоде и обстоятельствам. Теперь не было никаких эмоций. Отключились все лишние и ненужные чувства, как положительные, так и те, которые бесили и раздражали. Уже не обращалось внимание ни на крошечную темноту, пытающуюся внести смуту и панику в сознание, ни на сырость, которая проникала внутрь тела, и казалось, что влага скопилась уже не только снаружи, но добралась, аж, до костей. Хотя, действительно, сырость была такой, что могло сложиться ощущение, как будто даже кости промокли и стали холодными настолько, что до конца жизни, едва ли, можно будет согреться. Холод, который окутывал всё тело и впивался в кожу, пробивая куртку тысячами иголок, уже совсем не чувствовался, но не потому что его не стало, а потому что байкер абстрагировался от этого явления, как от несущественного факта обстоятельств. Притупились личные ощущения от происходящего вокруг, остались только инстинкты.

Инстинкты зверя... Умного зверя... Не просто зверя... А опасного, изворотливого и сильного хищника, который очень осторожен. Этот зверь вышел на охоту и сейчас сту-

пает уверенно, но медленно, не торопясь, делая каждый шаг без суеты. Он внимательно прислушивается к окружению, принохиваясь, всматриваясь, и внимая окружающей среде. Чёрный зверь решителен, и он на многое способен. Этой ночью точно будет добыча... Добыча – цель. Есть цель, значит, будет и результат. Какой? Время покажет, но, судя по всему, зверь сегодня не останется голодным. Это, уж, точно.

Скорость по-прежнему была «порядочной», если считать «порядочным» не опускать стрелку на спидометре байка ниже восьмидесяти километров в час даже на поворотах... Даже ночью... Даже на мокрой дороге. Да, это было опасно. Но гораздо опаснее был тот, кто сейчас ехал в нескольких километрах позади. И, скорее всего, этот, второй зверь, двигался с более большой скоростью, а значит настигал. Ночь была особенной, ведь сегодня на охоту вышли два хищника... Хищника два, но добыча может быть только одна. Это всегда так, такой уж закон природы, порядок всех вещей. Условия эволюции или просто совпадение?... А может, нечто большее? Но до утра доживёт только один, наиболее приспособленный зверь.

В голове поселилась уверенность, что цель где-то рядом. Сейчас нужно просто быть первым, не дать себя опередить, успеть раньше... Раньше чем кто? Уж, он-то точно знал, кто. Все органы чувств байкера обострились до предела, но главное – то, что открылось внутри. Это неизбежное осознание чего-то глобального, безгранично большого, значимого

и неотвратимого. Чувство, похожее на прозрение, вроде, как открытие «третьего глаза», новое понимание реалий происходящего, подсознательное мышление. Несмотря на весь скептицизм и ироничность байкера к таким вещам, он внимательно прислушивался к себе и своим внутренним ощущениям. Этому свидетельствовали морщинки между бровями, напряжённый и сконцентрированный взгляд, настороженность в выражении лица. Ему даже нравилось то, что он открыл сейчас в себе. Какое-то дикое, но не допотопное и примитивное, а весьма исключительное и «высокотехнологичное» чувство, как будто фундаментальный закон человеческой сути предельно элементарный и очевидный, но исключительно важный и основополагающий, открывающий сразу все тайны человеческой жизни не столько материальной, сколько духовной. Байкеру не хватало слов, чтобы описать всё это и хоть как-то сформулировать у себя в голове, но он чувствовал, что сейчас речь идёт о чём-то наподобие энергий, мистики, судьбы, предназначения... Явно что-то в этом духе. И органы чувств в эти минуты только подтверждали догадки о присутствии необычного, сверхъестественного начала... Смешно сказать, но байкер замечал, как всё вокруг становилось иным, буквально всё. Возможно, он перевозбудился, или это алкоголь постепенно выветривается, оставляя такой интересный эффект. Сегодня ночь явно богата на события: бар, выпивка, таинственный звонок, ночная поездка, мурак на дорогой спортивной тачке, теперь погоня.

Не к добру всё это... Но что-то точно вокруг изменилось, байкер словно и сам начал меняться... Изнутри. Как будто он стал одним из центров мира. Нееет, точно «алкашка» действует. Вискарь похоже в этот раз не разбавляли. Ухмылка промелькнула на лице и снова исчезла. Или нет? Время. Ощущение времени пропало совсем. Словно времени нет, словно всё вокруг заполнилось магией, а не временем. Точнее, не магией, а вполне естественной энергетикой, и времени теперь просто нет, нет самого понятия времени. Мир замер. Не просто замер, изменился и замер. Теперь он, байкер, – один из центров мира. Он – часть всего и одновременно частица центра всего, именно сейчас и именно здесь. Это глупо, но это так. В голове фоном пронесли слова из трубки мобильного телефона: «Только ты». Эти слова показали неопровержимым доказательством в пользу всех недавних мыслей и протекающих сейчас событий. Отсутствие временных измерений. Смещение центров мира. Магия. Энергетика. Обострение всех чувств и рефлексов. Решимость. Неоспоримое стремление. Страх. Предвкушение. Расширение сознания.

Поток философских раздумий прервался, когда на конце асфальтовой полосы, пропадающей в темноте, где белая прерывистая линия сливалась с чернотой мокрой дороги, забликовал предупреждающий знак, который сообщал об опасном участке дороги с крутыми поворотами. Скорость байка упала, причём заметно. Но не потому, что тот, кто управлял ру-

левой вилкой, подумал о своей безопасности, а, скорее, потому, что он поддался неведомому порыву, странному чувству предначертанности происходящего. По сути, не отдавая себе в этом отчёта, байкер просто сбросил скорость, насто- рожившись ещё больше.

Он совсем не удивился, когда, проехав ещё несколько де- сятков метров, заметил в стороне от дороги нечто Примеча- тельное и уж точно особенное на его ночном маршруте.

Дождь по-прежнему лил без остановки. Только теперь он уже не просто шёл, а хлестал по всему, на что падали его тон- кие холодные струи. Нет, он был не сильным, но он был весь- ма жестоким. Холод капель уже не леденил кожу и не прони- кал глубоко в тело, от чего немели пальцы конечностей и пе- реставали ощущаться кончик носа и мочки ушей. Нет, хо- лод длинных, тонких и хлёстких струек с чёрно-серого неба окончательно стал злым и безжалостным. Теперь холод об- жигал огнём.

Странно, но недалеко от дороги горел костёр, причём ко- стёр довольно сильный. Пламя было обширное, не высо- кое, но обширное, как будто шалаш, которым были сложены длинные поленья, прогорел и развалился, и теперь остатки этого языческого ритуального костра догорали сами собой. Осадки, интенсивно падающие с неба, пока не успели зату- шить странный и очень подозрительный костёр, но это был лишь вопрос времени. Тепло и уют огня – то, что необходи- мо в такую промозглую и тревожную ночь, только вот не по-

хоже, что это пламя дарило кому-то надежду в столь поздний час. Место для очага было выбрано странное, да и время неподходящее. К тому же у байкера так защемило где-то в районе то ли сердца, то ли солнечного сплетения, что на лице появилась сморщенная гримаса, глаза прищурились, рот искривило, и одна половина лица стала резко не похожа на другую, как будто разом была съедена половина лимона. Только вот это был не лимон. Байкеру стало ясно, что тут конец его пути. Хотя ему и не нравился обрекающий оттенок слова «конец». Но сейчас именно эта мысль мелькнула в его голове: «Конец пути.». Он попытался её отогнать, не получилось. Тогда байкер начал подбирать что-то, чтобы заменить эту мысль и перебить поганое слово «конец» чем-то другим. Но не смог. Скорее всего, потому что он осознал, тут слово «конец» может для него стать материальным, воплотиться в этой реальности. Потом в голову пришла резко противоположная мысль: «Нет, не сейчас. Хрена с два!!! Не теперь, не здесь и не сейчас. Х-ре-на-с-два». Последнее словосочетание было произнесено уже вслух, чётко и по буквам. Брутальный ночной ездок вдруг вспомнил, что всё ещё едет по дороге, управляя байком. Он почти поравнялся с местом у обочины, относительно которого ближе всего горел костёр. А тут и в правду был весьма опасный участок трассы, которая делала довольно крутой вираж из двух поворотов, образуя английскую букву S. Здесь абсолютно точно необходимо сбрасывать скорость, чтобы не улететь с дороги.

Томно рычащий байк выехал на обочину из мелкого гравия, ещё больше сбросил скорость, недовольно бурча мотором на низких оборотах, но покоряясь воле упёртого на своём ездока. Вскоре чёрному рвущемуся в путь мотоциклу пришлось затормозить и встать на месте, послушно ожидая команд того, кто крепко сжимал ручки руля. Байкер опустил одну ногу на землю, но мотор не заглушил. Он внимательно осматривал местность вокруг костра. Теперь-то он понимал, что это был вовсе не костёр. Человек в чёрном не догадывался, он знал, что тут что-то не так, точнее не что-то, тут всё было странным, подозрительным, таинственным, тревожным и давящим. Сейчас он ясно видел, что это не костёр. Да, это было открытое пламя, но не пламя от горящего дерева. Это был пожар. А горела машина... Догорала.

Для байкера всё вставало на свои места: внезапный звонок по телефону у бара, мерзкая погода, случай на трассе, из-за которого он чуть не лишился жизни, погоня, предупредительный знак на дороге, опасный участок трассы, догорающая машина. Картина была ясна. До этого момента байкер только догадывался и боялся, что его догадки оправдаются, но теперь он практически наверняка осознавал всю ситуацию, предполагая даже, что будет в недалёком будущем.

Внезапно с ясностью пришла и решительность. Будущее было уготовано...

– Только не для меня... – сказал байкер вслух.

Он не обратил внимания, что говорит сам с собой, на-

столько погружение в себя было полным.

Голова байкера упала на грудь, а взгляд уткнулся в бензобак, но неукротимая спина решительно сохраняла гордые и властные изгибы тела. Руки не отпустили руль. Дождь не прекращался, но было тихо, как будто природа не хотела отвлекать этого грозного воина от молитвы перед чем-то важным и неизбежным. На чёрном бензобаке отражался неотёсанный образ сурового байкера. Застыв в таком положении, ночной ездок всматривался в этот образ некоторое время, молча разглядывая себя, и то ли оценивая свои шансы, то ли просто пытаясь изучить и запомнить все свои черты.

– Никакой судьбы нет... Судьбы нет... Я смогу. Я смогу. Судьба не решит всё за меня... Я... Только я... Судьбы нет. Удачи нет... Я смогу. Я верю. Верю, мать его. Я смогу. Я верю в себя.

Может, это был бред, может, паника, может, аутогенный самонастрой, но это бормотание точно придало сил и уверенности байкеру. Он поднял голову и дерзко задрал подбородок, обратившись взглядом туда, где горела машина. Двигатель был заглушен. Тело подалось вперёд, левая нога резко перелетела через сиденье байка, а трицепсы рук вытолкнули крепкий и мощный торс наверх. Привычное движение произошло на полном автомате. Байкер оглядел своего «верного друга», который теперь мог отдышаться после дороги и остывал под леденящим дождём, потом посмотрел назад,

обернувшись через плечо. Никого не было видно.

– «Только ты»? Ты прав, кадровик, ты прав... Мда, ты прав. Как ты там говоришь? Предела нет? Посмотрим.

Нужно было идти дальше. Теперь уже пешком. Нужно, значит «надо». Человек в чёрном зашагал в сторону автокатастрофы. Спускаясь по склону кювета, байкер поскользнулся на мокрой траве, но не упал, подстраховав себя одной рукой. Первое препятствие было пройдено без потерь, подумал он. И ему понравилась эта ирония, байкер любил себя за то, что умеет иногда неплохо пошутить... Даже сейчас.

Земля была рыхлой и мокрой. Она пока не успела превратиться в грязевую кашу влажную, мерзкую и противную, но и приятным «это» назвать уже было нельзя. Трава росла ещё кое-где, но по большей части всё уже отцвело и пожухло. Холод делал своё дело, осень вступала в свои права, и округа чахла, скудела, опустошалась и редела. До места пожара было не так уж и далеко, примерно пара десятков метров, может, метров тридцать. Машина не вписалась в поворот на скорости и ушла с трассы, улетев сначала с дорожной насыпи в кювет, а потом, перевернувшись какое-то количество раз, проскользила по влажному грунту ещё несколько метров.

Неподалёку от места крушения автомобиля, метрах в двадцати или тридцати, монументально и основательно возвышался многовековой дуб. Это был волнующий воображение гигант, впечатляющий своим величием и непоколебимым

спокойствием. Настоящее чудо света. Надёжно и капитально закрепившись своими мощными корнями в почве, он десятки лет набирал силу, впитывая в себя всё, что давало ему жизнь. С течением времени он смиренно принимал и тяготы, и прелести того, что приготовила для него природа. Дуб рос и креп, постигая особую мудрость мироздания. И вот через бесконечно долгое время своего существования он достиг того состояния, когда ему уже нет равных на лесной опушке. Теперь, после многих лет, именно он олицетворяет высшее проявление жизни тут, на этой поляне. Он – непревзойдённый Колосс, символ вечности и глубокой мудрости. Могучая корневая сеть насыщает этот дуб живительными соками, крепкий и необычайно широкий, громадный ствол держит на себе всю тяжесть обширно раскинувшихся ветвей, усеянных листьями. Дуб-великан вырос до необычайных размеров в высоту и накрыл своей кроной очень большую площадь земли. Это чудо природы было словно из сказки, в которой рассказывается об удивительных деревьях, наделённых даром речи, мысли, способных воспринимать окружающий мир, реагировать на него, взаимодействовать с ним. Дивный великан изумлял, он был в два или три раза больше, выше и массивнее любого из деревьев, с которых начинался редкий лес на краю поляны. Увидевший такое мог испытывать лишь смирение и восторг, безмолвно взирая на это великолепие.

Стоя обособленно, но не одиноко, это творение природы

вызывало трепет и уважение пред собой. Дуб словно связывал между собой три уровня мироздания: земные глубины, давшие ему жизнь, и положившие начало его существованию, земную поверхность, на которой происходит его пребывание и развитие, а также небесный свод, являющийся безразрывной частью этого мира, и олицетворяющий духовное, потустороннее составляющее. Три сферы бытия, три единых области процветания жизни. Древнее дерево – символ гармонии и благоденствия всех форм жизни на каждом её уровне. Здесь струились необычайная сила и невероятная энергия, как будто дуб был одновременно и излучателем и приёмником неких неведомых материй и полей, не познанных наукой, но ощущаемых человеком. Великолепное древо представляло независимым, но предельно гармоничным с окружающим миром, с природой. Дуб вырос благодаря безграничному стремлению развить себя, постигая собственные возможности и тайны. Он, действительно, преуспел в искусстве творения себя самого, достигнув высокого уровня развития собственного существа, прежде всего, сделав свой образ целостным и неделимым. Теперь же древесный гигант дарил потоки энергии всему живому на земле, возобновляя несметные запасы в бескрайних глубинах взаимоотношений природных сфер от земли до неба, куда он проникал всем своим существом. В целом это был нескончаемый обмен силами, материями и энергетической составляющей физического, ментального и духовного миров. Дуб открыл различ-

ные формы взаимодействия с вселенной, давшие ему такую неограниченную мощь и благодать. Но главное, он нашёл в себе изначальный истинный источник блага и добра, впус­тив в себя всё лучшее и откровенное извне, отдавая, и делясь своим откровением со всеми.

Возле этого чуда природы, под кронами веток, ещё обильно покрытых листвой, лежали без движения два детских тела, казавшихся крошечными на фоне деревянного великана, скрывающего их от беды и невзгод.

Пока байкер спускался по склону дорожной насыпи в кювет, понял, что опасности взрыва уже нет. Всё давно уже взорвалось, и машина просто догорала. Подойдя совсем близко, он ещё более отчётливо разглядел тела двух детей, которые лежали в стороне от пожара около древесного исполина под его надёжной защитой, но абсолютно не двигались.

Взгляд байкера нахмурился, где-то в груди снова сжалось и защемило. Он встал, как вкопанный, не смея шевельнуться и сдвинуться с места. Если бы не окружающая его обстановка, можно было бы подумать, что он стоит в зале священного храма немислимых размеров, таких, что сложно представить возможность создания этого храма людьми, а перед его взором предстало невообразимое величайшее откровение, потрясающее воображение и разум. Так он стоял и смотрел на этих детей несколько мгновений, которые казались ему гораздо дольше, чем были на самом деле. Человек в чёрном снова почувствовал нереальность течения времени. Магия

этого места приняла байкера, как свою неотъемлемую часть, как недостающую деталь. Всё тело, каждый миллиметр, каждая клетка, все атомы материи, из которой состоит плоть байкера, наполнились особой энергетикой, сильными потоками магической и космической, но абсолютно естественной составляющей. Что это за составляющая байкер конкретно не знал, тем не менее, он её не испугался, он её даже ждал... Жаждал.

Теперь-то человек в чёрном знал. Был уверен. Вот оно. Всё случится именно здесь.

– Предела нет...

Тело напряглось и подалось вперёд. Байкер решительно и резко дёрнулся с места в сторону двух маленьких тел, беспомощно лежащих на грязной, мокрой и холодной земле.

– Доброй ночи!!!

Человек в чёрном застыл на месте, не меняя позы, с которой начал своё движение к детям. Послышавшийся из-за спины голос был твёрдым, настойчивым, глубоким и насмешливым. Почему-то байкер был убеждён, что голос этот принадлежал тому негодяю с дорожной развилки, дорогой спорткар которого так нагло подрезал его чёрный мотоцикл.

Изо рта у байкера вырвалось тихое:

– Бляя...

Человек в чёрном принял уверенную стойку, широко расставив ноги, и перенес вес тела ровно между своих стоп. Развернуться к обидчику и одарить его своим почтением

он был не намерен. «Пусть эта падла общается с моей спиной», – мелькнула мысль в голове у байкера. Идея ему понравилась. Он понимал, что в этом есть как свои минусы, так и плюсы. К тому же хотелось просто позлить наглеца.

Минута безмолвия затягивалась. Напряжение нарастало. Нужно было что-то делать дальше, но никто не хотел уступить своих позиций. Первый, не получив ответа на свои слова, начал злиться и выходить из себя, второй же опасливо ждал реакции от первого. Байкер понимал, что ему нужно было просто тянуть время, так как положение его было более выигрышно. Стоять так он мог долго, а чем дольше он был спиной к обидчику, тем больше копилось баллов именно ему, ведь тем самым он выказывал своё неуважение тому, кто начал эту милую и манерную беседу. Ход был сделан, и ход оказался результативным. Теперь надо быть очень внимательным и чутким, оставаясь начеку в случае внезапного нападения со спины.

Злость скопилась достаточно, чтобы ярость вскипела внутри, кисти рук сжались, и кости кулаков сухо затрещали настолько громко, что байкер, кажется, услышал за спиной этот хруст. Может, показалось, но человек в чёрном насто-рожился.

Тем не менее, голос прозвучал снова так же надменно и выдержанно. Хотя изящество и игривость пропали. Теперь в нём слышался деловой профессионализм и жёсткость. В такой заносчивой манере обычно говорят обнаглевшие бо-

гатые люди: менеджеры, банкиры, руководители отделов, когда пытаются скрыть свои истинные намерения, стараясь казаться лучше, чем они есть, например, учтивыми и порядочными, чтобы тем самым одновременно подчеркнуть своё превосходство.

– Я го-во-рю, доб-рой Вам но-чи.

Слова были произнесены отчётливо, с нажимом и расстановкой, с паузами там, где нужно и с идеальным выражением. Но этот ход был не таким эффектным, как ход байкера. Баллов в итоге оказалось больше не у холёного банкира. Оба это понимали. Почему-то байкер решил, что этот наглый негодяй обязательно должен быть банкиром, и даже про себя подумал: «Так-то! Знай наших! Первый раунд выиграл я». И снова похвалил себя за то, что выдал неплохую шутку, учитывая всю опасность ситуации. Вот только, это был ещё не раунд, как игриво рассуждал у себя в голове человек в чёрном, потому что до настоящего боя было пока очень далеко. А такие колкие моменты больше походили на ничего не значащую конференцию перед поединком. Сейчас всё складывалось гораздо серьёзнее, чем игра слов и набор воображаемых баллов, ведь на деле, скорее всего, эта стычка может закончиться вполне реальным поединком, после которого на своих ногах уйдёт лишь один. И это была уже не ирония. Ирония была в том, что байкер знал о неизбежности такого исхода, но продолжал шутить.

Но человек в чёрном не унимался. Он решил продолжить

этот цирк и окончательно взбесить подонка с развилки. Байкер продолжал молчать и стоять спиной к дорожному подледцу, хотя понимал, что теперь это становится по-настоящему опасно.

– Повернись, мразь, я с тобой говорю!

Байкер добился своего. Внутри он ликовал, когда услышал сдавленную сквозь зубы реплику, и поэтому был готов к любому продолжению событий. Сорвавшийся в конце голос банкира дал понять, что тот на грани взрыва от распирающей досады и злобы. До истерики было, конечно, далеко, но раздраженность и нерв присутствовали определённо.

– Я сказал, повернись, тварь!!!

Байкер продолжил играть свою роль до конца. Теперь его это одновременно и пугало и забавляло. Он наслаждался нескрываемым раздражением оппонента, накручивая сам себя возбуждением от обострившейся ситуации. Но боязнь последствий всё-таки заставила человека в чёрном ответить. Байкер поддержал беседу... Правда, не оборачиваясь.

– Ооооо, здесь кто-то есть? Простите меня, я Вас не заметил. Впрочем, как и Вы меня тогда на дороге. Это было весьма грубо. Я даже чуть было не умер там.

Байкер медленно повернулся и поднял глаза на банкира, впившись уверенным, спокойным и хмурым взглядом в злые бегающие зрачки человека напротив.

Холёный щёголь стоял уже совсем мокрый в дорогущей рубашке на драгоценных запонках и с высоким отглажен-

ным воротником. На банкире были не менее дорогие брюки из струящейся ткани отличного качества, подогнанные по длине и ширине, видимо, личным портным на заказ. Ноги же были обуты в туфли по цене, скорее всего, стоящие, как новый мотор для чоппера, на котором сюда приехал байкер. Жаль, что теперь туфли запачкались и потеряли лоск, владелец этого не перенесёт и купит себе новую пару. Если, конечно, доживёт. Дождь изрядно подпортил внешний вид банкира, который утратив свою безупречность, выглядел уже не так пафосно и эффектно, как в белой дорогой машине. Тут, в грязи, все более или менее, но равны. Дождь обильно заливал обоих, стекая по чёрным нестриженным волосам на лицо байкеру, и отскакивая каплями от гладко выбритой лысой головы банкира. Конечно, такие обстоятельства встречи не могли не бесить этого позёра в дорогих шмотках и на крутом спорткаре. Одетые вещи набрали влагу и местами прилипали к телу.

Надо сказать, что тело у банкира, в отличном состоянии. Явно, что он находится в прекрасной форме, наверное, регулярно посещает какой-нибудь гламурный фитнес-клуб. Высокий рост, длинные руки с рельефными мускулистыми формами, чётко очерченная грудь и выделяющиеся трапеции. Глубокая и бугристая, венозная и жилистая мускулатура торса отчётливо выпирала там, где рубашка окончательно облепила тело. Всё выдавало в банкире хорошего бойца. Стоило задуматься, взвесив все «за» и «против», перед бо-

ем с таким серьезным противником. Байкеру, естественно, не привыкать. Он сам считал себя крепышом и подготовленным бойцом при собственном росте, примерно, сто восемьдесят пять сантиметров. Поэтому доверял своему телу, чувствуя его возможности, зная себя и то, как пользоваться кулаками в трудную минуту. Опыт, надо сказать, был у байкера весьма богатый, а крепость торса, ног и головы его ещё ни разу не подвела. Да он и сам мог бы похвастаться объёмами частей своего тела благодаря выносливым и сильным мускулам. Но сейчас ситуация иная. Всё было не так просто. Другой уровень, абсолютно. И всего этого может оказаться слишком мало.

Диалог снова продолжил банкир:

– Последнее наше общение было весьма скупым на слова.

– Зато эмоций, кажется, хватило.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне показалось, ты там чуть не обосрался от напряжения и страха.

Банкир загадочно улыбнулся, но не от удовольствия, а чтобы скрыть раздражение от такой наглости и дерзости в его сторону. Он явно не привык к подобному отношению к своей персоне и жестоко наказывал всех, кто смел общаться с ним в подобной манере.

Ответил банкир на оскорбление сдержанно, но ухмылка не сошла с его лица, теперь она казалась уже не обиженной, а угрожающей.

– Юмор, я ценю это качество характера в смертниках. Мне кажется, ты был невежлив, когда назвал меня «паскудной тварью» там, на трассе.

– Оооо, простите, сударь.

– Обойдёмся без сарказма. Я привык решать деловые споры красиво. Корпоративная этика, слышал о таком понятии? Культура делового общения? Едва ли... Весьма сомнительно.

– Я слушаю, продолжай.

Байкер, правда, только догадывался о том, что говорил этот холёный выродок. Поэтому и обошёл ничего не значащей фразой, но приправил её изрядной долей иронии в интонации, дополнив всё соответствующим выражением лица и изящным почтительным движением руки.

Банкир продолжил:

– Так вот. Очевидно, что у нас тут стандартная деловая проблема, своего рода рабочий момент. Если угодно, назовём это совещанием, в ходе которого каждый хочет преуспеть в своих намерениях и выгодно развернуть ситуацию под себя, используя все возможные ресурсы. И я настоятельно рекомендую тебе обратить внимание на мои аргументы, чтобы в итоге решить вопрос в мою пользу. В противном случае, доводы, к которым я прибегну, тебя не только разочаруют, но и сразят наповал... В прямом смысле. Понимаешь? Это уже будет не компромисс, а ультиматум с моей стороны.

– Если ты закончил, то я буду весьма учтив и вежлив

в надежде на то, что наша милая беседа окажется настолько взаимоудовлетворительной, что ты просто развернёшься и уедешь туда, откуда вылез. А я спокойно закончу здесь все свои дела без твоего присутствия. В противном случае, я буду вынужден набраться наглости и послать тебя для начала в жопу со своей... Этой... Как её там... Деловой этикой... И... Короче... На хрен пошёл, мразь.

Байкер очень удивился сам себе. Как у него вырвалась изо рта такая длинная и умная фраза, да и, в принципе, откуда в его голове такие витиеватые слова и словосочетания? Наверное, адреналин так странно влияет на подсознание. Но это было весьма неплохо, правда, концовка подвела, налажал малость. Хотя так, вроде бы, даже ярче, сочнее получилось... Доходчивей что ли.

– Аааааааа! Как же мне надоело всё это! Вы... Вы... Такие правильные... Думаете, что сражаетесь во имя чего-то светлого и доброго... Что там у вас есть?! Вся эта чушь, которая вас утешает, помогая оправдывать ваше существование... Вы – жалкие тваари, у которых нет ничего... Наивные... Глупые... Раздражающие своей бараньей упёртостью в то, чего нет. Вы – мерзкие твари! Я ненавижу всё, что вас окружает, к чему вы прикладываете свои усилия... Даже сейчас ты стоишь тут, зная, что тебя не станет через несколько минут, и пытаешься что-то кому-то доказать. Ты – червяк!!! Ты – чеервь, который питается грязью под моими ногами и верит в то, что грязь эта святая и непорочная. У тебя нет

шансов, но ты веришь. Во что?! В то, что я пощажу тебя, червяк?! Но неет.

Тут психоз, который копился после встречи с байкером на трассе, начал постепенно спадать. Байкер был прав, там, на дороге, нервы у банкира натянулись до предела. Наверное, потому что владелец белой машины всем своим нутром ненавидел то, что связано с байкером. Его природа была полностью противоположна природе человека в чёрном, и банкира бесила сама мысль о байкере, выводила из себя. Ему хотелось поскорее разобраться с ситуацией, которая была неизбежна для них обоих. Но ещё больше банкира раздражало то, что этот «червяк» вовсе не был «червяком», и с его мнением приходилось считаться, так как мнение это имело реальный вес. Гордость и самомнение не позволяли банкиру признать это, и он обманывал сам себя. Вот, что по-настоящему выводило его из себя. Такой конфликт сводил с ума и пробуждал все негативные качества: злость, ненависть, гнев, грубость, высокомерие, надменность. Ещё там, при первой встрече, банкир понял, что противник очень неуступчивый и сложный, и тревога стала копиться, как снежный ком. Сейчас же он разразился проклятиями, словно вулкан, проснувшийся через десятки лет, словно горный удар в толще скальных пород, словно сдетонировавшая тротиловая шашка, у которой догорел фитиль.

Истерия, захлестнувшая банкира, как волна цунами, накатившая на береговую линию, ещё владела его телом, но го-

лос становился всё более спокойным. Изменился тон, и слова начали выговариваться вкрадчиво и угрожающе.

– Тебя я уж точно не пощажу. Знаешь почему? Потому что ты поганый червь. Ты ничтожен. Но я не просто раздавлю тебя ботинком. Я сначала оторву от тебя кусочек и посмотрю, что будет дальше. Ооо, да. Я вдоволь наслажусь этим зрелищем. Такие, как ты, этого заслуживают. Все вы – червяки... А потом я оторву ещё кусочек... И так я много раз буду отщипывать от тебя по чуть-чуть, чтобы ты понял всю свою мерзость и никчёмность, а главное, осознал беспомощность. Когда твоя вера начнёт пропадать с каждым оторванным куском, когда полностью уйдёт надежда, а твои мысли накроют агония и безысходность, тогда ты проклянёшь всё то, чему так фанатично и беззаветно внимал. Ты прозреешь, насколько был глуп, разочаровавшись и в себе, и в мире, который придумал для себя. Сознание поглотит животный ужас. Для тебя будет существовать лишь боль, ничего кроме боли. Ооо, поверь, ты познаешь её сполна. Но и это – не всё.

Судя по лицу байкера, было понятно, что он прекрасно осознавал то, о чём говорит банкир. Наверняка, человек в чёрном живо представлял красочные картины, которые описывал его оппонент. По сказанной реплике было ясно, насколько серьёзно настроен противник. Опасность заключалась в реальности того, что скрывалось за этим монологом.

Полнейшая концентрация. Назад дороги нет. Дороги назад не было уже после того странного звонка на улице око-

ло бара, когда решение было принято, но не озвучено. Теперь же каждая неосторожность могла оказаться критичной. Байкер не верил в предопределённость судьбы, сейчас всё было на грани и зависело только от него самого. Вот, во что он верил. «Только ты», – кадровик сказал это не случайно, он знал, как мотивировать байкера, чем зацепить его. Эта мысль осенила только сейчас, но не разозлила, а, напротив, придала ещё больше решительности, ещё крепче убедила в правоте того, за что он сейчас стоял против, вероятно, самого опасного врага, которого встречал. Набывчившийся байкер сжал зубы и кулаки. Он внимательно слушал, смотря банкиру прямо в глаза.

– Потом я буду по очереди раздавливать каждый кусочек, который оторву от тебя. Я всё уничтожу без остатка. Просто. Безжалостно. Раздавлю до мокроты. Не останется ничего, только жижа, которая разложится на молекулы и испарится. Мне это доставит полнейшее удовольствие, и я буду всецело удовлетворён, только когда разотру последний кусок тебя. Как прекрасно, что ты ещё будешь трепыхаться под моими ботинками. До последнего твоего обрубка...

– Хватит!!!

Терпение байкера наконец-то закончилось. Острый проникающий взгляд был точно нацелен на ехидно улыбающегося врага. Лысый мажор вёл себя так, как будто был уверен в неизбежности своей победы. По крайней мере, банкир мог радоваться уже тому, что отыграл все свои потерян-

ные баллы в этой неофициальной игре, служившей прелюдией к основному действию. Дыхание брутального ночного гонщика участилось, стало глубоким и резким, перейдя из спокойного диафрагмального в активное верхнее. Байкер старался вдохнуть полной грудью, но не мог из-за участившегося сердцебиения, прилива адреналина и спазмов, начинающихся от подбородка, заканчивающихся у солнечного сплетения, причиной которых стали взбудораженные банкиром нервы. Грудная клетка от этого резко раздувалась и так же быстро сокращалась, что было весьма эффектно со стороны и производило впечатление необычайной силы и мощи в теле. Плечи ходили то вверх, то вниз, раздувая мясистые и крепкие трапеции у основания шеи.

Человек в чёрном был невероятно зол, просто разъярён. Его сознание в начале затуманилось, а вскоре вовсе отключилось. Теперь оно ему было уже не нужно. А вот тело, напротив, пришло в полную боевую готовность.

Рука потянулась в правый карман, и из куртки байкер вытащил две дешёвых зажигалки, в которых уже давно не было газа. Одну из них он переложил в левую кисть, после чего обе ладони крепко сжались в увесистые кулаки так сильно, что фаланги пальцев захрустели в сочленениях. Байкер почувствовал, как сокращаются, напрягаясь, его предплечья, он тонко ощутил каждую жилу и каждое мышечное волокно своих рук. Прекрасное чувство полного владения своим телом. Ему удалось даже несколько раз расслабить и напрячь

свой торс, чтобы, поиграв немного мускулатурой, размяться перед делом. Теперь человек в чёрном точно готов.

Зажигалки, зажатые в кулаках искренне повеселили банкира. Это стало понятно, когда ненависть, с которой он смотрел на байкера, резко ушла, а злое безумие спало с взбешённого выражения лица. Глаза его стали медленно округляться, брови изогнулись в удивлении, а через мгновение он уже наивно улыбался, умиляясь, и веселясь.

– Да, броось. Неужели ты думаешь, что тебе это поможет? Очень сомневаюсь. Что за подростковые выходки? Такими хитростями ты можешь «развлекать» пьяниц в барах или производить впечатление на вышибал в местных клубах и кабаках. Броось, умоляю тебя.

– В любом случае, ты их не получишь... Бес.

Под словом «их» байкер имел в виду не зажигалки.

– Ооооо, мне льстит, что ты принимаешь мою сущность. Значит, ситуация становится критичной... Для тебя, естественно. Ну, что же. Ставка у нас оговорена заранее... Будем считать, что раздача произошла. Пора вскрываться?!

– Ты падёшь, бес.

– Ну да, ну да...

В воздухе повисла томящая пауза. Время замерло. В эту минуту отчётливо ощущалось, что время... Время абсолютно точно замерло. Мир продолжал жить своей жизнью: ветер всё так же дул, дождь падал с неба каплями холода, тучи оставались тёмно-серого тревожного цвета и плыли по небу,

а с деревьев по краям дороги облетала редкая листва. Мир жил, точнее, существовал, но время замерло. Замерла жизнь в её обычном понимании. Как будто всё, что окружало этих двух людей на небольшой поляне возле загородной трассы, где догорала разбитая машина, всё впало в кому. Понятие времени не просто изменилось, оно исчезло.

Банкир разрядил обстановку. Он не спеша отвернулся в сторону и начал прохаживаться то влево, то вправо от байкера, уже совершенно не боясь испортить свои шикарные туфли, запачкав их грязью.

– Знаешь, в чём ваша слабость?

Всё внимание байкера было сконцентрировано на банкире, как на главной и единственной цели. И теперь ему стало всё равно, какие словесные гадости испускает рот гладко выбритой лысой головы с кривой усмешкой. В намерения человека в чёрном входило лишь одно зудящее желание – вколотить эту ухмылку поглубже в наглое лицо противника. Неосознанно для себя оскалив зубы, байкер ничего не отвечал. Тогда банкир просто продолжил монолог.

– У вас... У «добряков», у «светлой стороны», у «правильных и непогрешимых» есть одна особенность, которая одновременно является и вашей слабостью. Вы считаете это великой силой, какой-то никому непонятной «истиной». Но нет, это, напротив, именно слабость, а вы просто обманываете себя. Вы привязываетесь к чему-то или к кому-то, живёте во имя того, во что верите, боясь это потерять настолько, что

даже готовы жертвовать собой.

Коварный блеск глаз на мгновение промелькнул в тёмных зрачках банкира. Казалось, он готовил эту речь заранее, потому что слова произносились с выражением, а фразы звучали с протяжной издёвкой.

– Это – так называемые «болевы́е точки». Нужно просто грамотно их определить, а затем посильнее надавить на них. Это очень даже нетрудно. Увлечателен, возможно, лишь сам процесс поиска «болевы́х точек». Но удовольствия в этом деле не особо много, скажу прямо, и оно к тому же быстро заканчивается. А садизм над жертвой в момент нажатия на эти точки хотя и забавляет какое-то время, но порой просто утомляет. Вы слабы априори, потому что зависимы от жалких условностей и добродетелей. Понимаешь? Гораздо интереснее, когда в том, что вы называете «духом», «сознанием», «телом души»... Или как там ещё?.. Есть примерно равные зачатки и света, и тьмы, потоков сил «инь» и «ян», добра и зла, если угодно. Ты ведь знаешь, что всегда есть полярность во всём, даже в душе молящейся монашки-девственницы? Ты знаешь это, наверняка! Потому что полярность – начало, основа и причина всего. Так вот, когда «болевы́е точки» найти никак не удаётся, это означает только одно, что есть зачатки нашей... Хммм... «Злооой стороны». Вот теперь-то начинается веселье. Это особенно интересно – разжечь внутри всё то, что наболело и вытащить наружу зверя... Сильного и независимого зверя... Получить из жалкого

человека с мнимыми и придуманными истинами по-настоящему уникальное, идеально приспособленное к жизни существо. Вот моё искусство! Я помогаю сильным личностям обрести свободу!

Казалось, что все эти слова не производили на байкера ровно никакого впечатления. По крайней мере, внешне тот никак на них не реагировал.

Тогда банкир продолжил.

– Вероятно, ты сейчас переживаешь за души тех детей? Я прав? Не волнуйся, тела их сознаний далеко не уйдут от этого места. Пока. А сейчас они получают внетелесный опыт. Их астральные проекции точно где-то рядом. Может даже, они смотрят на нас. Тебя это, вряд ли, успокоит, но они, скорее всего, увидят, как ты здесь умрёшь. Ну-ну-ну... Как герой, конечно. В любом случае, они снова вернутся в свои физические тела, потому что «болевые точки» их родителей были быстро найдены в их же детях. Мама и папа, если можно так сказать, «продались дьяволу» во имя жизни драгоценных детишек... Ааа-хаха-хахх... Как же это пафосно звучит, мне нравится – «продались дьяволу». Мы с нетерпением ждём родительские души в наши ряды. Кто знает, может, после реинкарнации этим «истинным Я» посчастливится обратиться в бесов?

Всё это время банкир мерно и основательно вышагивал перед байкером, как профессор перед студентом, исподлобья поглядывая на него недружелюбным взглядом. Сей-

час же он остановился напротив человека в чёрном и начал разминать шею, несколько раз сухо и перекатисто хрустнувшись то ли хрящами, то ли костями где-то в позвонках или ключицах. Звук был такой, словно трещат стойки деревянной крепи в шахте перед обрушением.

Банкир ждал реакции, пожирая байкера глазами. И байкер отреагировал. Но после того, как ещё раз пристально оглядел врага. Всего, целиком. Холодным, изучающим взглядом.

– Ты точно не прав в одном. Я – не воплощение того, что могло бы сделать меня, как ты выразился «добряком»... Я – меч в руках «светлой стороны», я – каратель зла... Всё, что связано с «добродетелью», меня мало интересует. И цель у меня одна – мочить таких, как ты... Мочить безжалостно. Сейчас ты в этом убедишься.

Мощное тело байкера сорвалось с места необычайно резко и стремительно. Между соперниками было метра два, не больше, и такой приём мог оказаться вполне оправдан, ведь всё это время байкер прикидывал в голове, хватит ли ему скорости и сноровки на такой опасный рывок. Он, как бык, с места кинулся на врага. Перед броском байкер напряг мышцы ног, предельно включив в работу все связки и суставы, спина стала, как железобетонный монолит, затем напряжение передалось и в плечевой пояс. Шанс был только один, на ошибку возможности просто не было. Нужно было действовать уверенно, с максимальной решительностью, ина-

че конец. Пружина из плоти разжалась в один миг. Байкер сделал два маленьких подшага, чтобы немного сократить дистанцию и перенести вес на опорную левую ногу, которая была толчковой. Реакции банкира хватило, лишь чтобы немного сгруппироваться и принять атаку всем телом. Только он успел напрячь пресс и чуть-чуть пригнуть торс, как левая нога байкера энергично распрямилась, и крепкое тело воткнулось плечом в сокращённые мышцы живота банкира. В один приём байкер подхватил для надёжности ноги банкира, рванув их вверх и на себя, а сам устремился вперёд. В результате – он сбил с ног своего врага, как локомотив сносит автомобиль с рельсового пути.

Встряска была основательной, банкир никак не ожидал такой отваги и напора. Приём оказался проведён на десять баллов из десяти. Так обычно в американском футболе опытный защитник отправляет в нокаут зазевавшегося пасующего, который с мячом в руках выискивает, кому бы отдать передачу, но вдруг свет на стадионе гаснет для этого растяпы и включается только в раздевалке, пока игра ещё продолжается. Разница была только в том, что пасующий не замечает атакующего его игрока, так как сконцентрирован на передаче мяча партнёру по команде, а вот банкир видел всё, но из-за собственного бахвальства не совсем быстро среагировал, однако успел хоть как-то подготовиться к сотрясающему удару почти центнера живой массы.

Оба упали на землю, успевшую за время их разговора пре-

вернуться в холодное, грязное месиво. Ошарашенный банкир оказался на спине, а байкер придавил его своим телом. Начало схватки было явно за brutальным бойцом, он решил использовать преимущество до конца.

Байкер хорошо умел драться. Был искущён в этом деле. Благо, опыт был богатый. Поэтому он знал, что любая драка, если это, действительно, драка, а не выяснение отношений посредством непонятно чего, длится совсем не долго. Может быть минуту, когда соперники явно не равны, иногда три или четыре минуты. Очень редко, когда бой затягивается минут на пять или дольше, но это, если дерущиеся примерно одного уровня и с хорошей подготовкой. Чаще же достаточно пары точных и мощных ударов, лучше всего, неожиданных или серийных. Тогда соперник теряет ориентацию в пространстве в результате глубокого нокдауна, и его можно попросту добивать. Ещё лучше, но реже, когда происходят нокауты, которые напрочь отбивают желание продолжать поединок у человека после его возвращения в сознание.

Эта драка ничем не отличалась от остальных, нужно было действовать быстро и разяще. Раз дошло до такого, до грубости и насилия, жалости быть не может... Тебя уж точно никто не пощадит, если окажешься слабее.

Серия ударов началась с левой руки. Кулак мощно обрушился сверху вниз тыльной стороной. Дури у байкера хватало. Движение напоминало сокрушающий удар молота по наковальне. Скрещенные предплечья, прикрывшие лицо бан-

кира, приняли на себя всю тяжесть этой кувалды из плоти, крови и костей, уберегая от дробящего на куски удара. Вторая, правая, рука байкера двигалась более хитро и стремительно. Если первый удар был рассчитан больше на силу, и не так было важно, куда он прилетит, то вторым ударом боек целился точно в голову по короткой траектории. Это была продуманная комбинация, которой байкер надеялся закончить поединок.

Вдруг он почувствовал, как проваливается вперёд и влево по инерции движения своей руки. Неожиданное и от этого неприятное ощущение успело промелькнуть в теле, застряв тревогой в голове. Байкер потерял опору, баланс в его теле нарушился. Всё это стало результатом того, что банкир, быстро оправившись от натиска соперника, и отразив такой свирепый удар «на автомате», чисто рефлекторным движением, перешёл к активным действиям. По-прежнему лёжа на спине, лысый резко вывернулся в левую от себя сторону, теперь он уже ожидал и видел второй удар в комбинации байкера, поэтому мог адекватно на него реагировать. Одновременно с ловким рывком влево, уходя от стремительно-точного кулака, банкир выгнулся в спине, твёрдо упёрся стопами в землю и, вставая «на мостик», мощно изогнулся. Придавая ускорение напористому противнику, лысый помог руками, чтобы столкнуть с себя настырного байкера, который уже летел вперёд за своим кулаком, не понимая, где же он совершил ошибку, и что происходит.

Шанс был упущен. Это точно. Позиция сейчас у обоих оказалась не самая удачная. Первому пришлось быстро выворачиваться из-под тяжести второго, а второй находился в прострации и никак теперь не мог обрести устойчивое положение, чтобы вернуть себе преимущество над первым. Бойцы мгновенно разошлись и вскочили на ноги, понимая, что промедление может оказаться фатальным. Никто не хотел оставаться на земле в тот момент, когда другой уже мог стоять на ногах.

Каждый проявил себя за короткий период времени вполне достойно. Байкер провёл прекрасную атаку, дав понять, что пощады этой ночью не будет. Неуступчивый банкир, ощутив на себе натиск и силу оппонента, смог блестяще выйти из ситуации, не потеряв при этом ни одного балла, и показав свои лучшие качества.

Удивительно, но кисти байкера всё ещё сжимали по одной зажигалке в каждом кулаке.

И снова взгляды незримо схлестнулись. Глаза одного яростно вцепились в глаза другого. Противники ненавидели друг друга, это было в самой их природе. Оба грязные и полностью мокрые. Злобные и холодные тела из плоти. Мир сузился до противостояния двух людей в этом месте, и сейчас не было ничего кроме этого боя. Вопрос в том, чья плоть окажется более приспособленной к выживанию, чья природа сильнее. Но дело не только в плоти. Может, есть что-то ещё? Воля? Характер? Разум? Сознание? Предела нет...

Напряжение было предельно максимальным, все системы организма работали на полных оборотах своих возможностей. Здесь уже каждый дрался не за свою жизнь, а за смерть врага. Враг должен быть уничтожен любой ценой... Любой.

Всё началось сначала, и в этот раз преимущества ни у кого не было. Ситуация ясна и просвечивалась для них обоим насквозь, как идеальный кристалл. Между ними теперь не осталось никаких недомолвок, как не осталось ни жалости друг к другу, ни милосердия.

– Неплохое начало, верно? Подловил меня, паскуда. Ничего, червь, мы только начали. Жалко, что испачкался весь. Аааагрррх! Ну и мерзость – валяться с червём в грязи!!!

Банкир негодовал и сокрушался, а байкер внимательно слушал. Только вот слушал ли? Нет. Он оценивал возможности для новой атаки, пристально следя за поведением банкира. Ведь всё, что говорилось, могло служить лишь отвлечением внимания, став причиной потери концентрации противника. К тому же трезво воспринимать ситуацию было теперь очень сложно, так как бойцы вошли в раж.

Как только банкир закончил фразу, сразу последовал новый бросок абсолютно идентичный первому. Атака была выверена идеально. Байкер рассчитывал на дерзость и, опять же, на неожиданность. В своих силах он был уверен как никогда.

Снаряд обязан был упасть дважды в одну и ту же воронку. Такого быть, вроде бы, не может, но предела же нет...

Полнейшая собранность. Уверенность и решительность. Отчаянный бросок на своего врага. Прорыв. Атака... Вспышка в глазах. Пронизывающая боль. Потеря ориентации. Невероятное головокружение. Провал в сознании.

Ощущение холодной влаги на лице тут же вернуло человека в чёрном к памяти и чувству реальности.

В голове пронеслось: «Вырубил меня!.. Быстрее!!!».

Чуть оторвав голову от земли, тело байкера инстинктивно, на каком-то животном рефлексе, совершило странный, но, как оказалось, весьма полезный для здоровья манёвр. Потерявшийся в пространстве боец не стал тратить время на то, чтобы сразу подняться на ноги, а совершил несколько кувырком в сторону с одного бока на другой, как покотившееся бревно. Мотивация была одна – быстро изменить своё местоположение относительно врага, так как байкер не знал, сколько времени он находился в отключке. Может, несколько мгновений, может, несколько секунд, а может, несколько минут. Если последнее, то катилось сейчас, скорее всего, уже не его тело, а только его голова, оторванная противником. Но кроме боли в челюсти, а челюсть, кстати, выдержала и не свернулась под точным, убойным ударом, байкер чувствовал ещё руки и ноги, на которые приходилась масса тела при перекачивании. Значит, все части тела на месте.

Похоже, бойцовские навыки снова спасли байкеру жизнь, потому что банкиру не хватило мига до того, чтобы его нога раздавила череп сбитого с ног человека в чёрном. В момент,

когда байкер опрометчиво повторно кинулся на лысого мажора в дорогих, но уже грязных шмотках, тот оказался гораздо быстрее и сноровистее. Банкир ждал подобной лобовой атаки и был готов ко всему. Он грамотно подловил снова кинувшегося к нему байкера на самонадеянной ошибке. Человек в чёрном счёл повторение своего приёма хитрым и дерзким ходом, бросившись к врагу без защиты, напролом. Однако всё выглядело совсем не так со стороны. Сделав шаг в сторону и немного назад, банкир, как настоящий боксёр профессионал, прочитав соперника, превратил своё тело в единый ударный механизм. Он одновременно ушёл от атаки и приготовился нанести единственный точный и разящий удар, оставив сзади опорную ногу на носке, резко скрутив свои бёдра и торс, зафиксировав при этом плечо, и чуть согнув локоть. Байкер не понял ничего, так быстро и незаметно прошло короткое движение банкира. Это было по-настоящему красиво и эстетично. Молниеносная ответная атака банкира превратила мощную грудку настырных и опасных мышц байкера, сметающих всё на своём пути, в поверженную безвольную массу обмякшего мяса, летящего в грязь. После того, как байкер рухнул на землю, стало ясно, что сам он сейчас, вряд ли, поднимется. Теперь его можно просто добить. Тогда банкир, убедившись в собственной безопасности, сделал два активных шага для инерции, чтобы третьим шагом встать на голову врагу и расколоть ему череп, размозжив его в грязи.

Байкер осознал, что был на волосок от того, чтобы покинуть мир материй, только когда откатился в сторону и заметил стопу банкира на том месте, где недавно была его голова.

Зажигалок в кулаках уже не стало. Микронокаут был глухим, но, к счастью для байкера, весьма непродолжительным. Спасла долгая бойцовская закалка организма. Очень долгая... Вековая.

Соревнование по тому, кто больше вымажется грязью, сейчас выигрывал человек в чёрном. Хотя этому не предавалось ровно никакого значения. Оба были свирепы и настроены только на то, чтобы сокрушить, уничтожить врага.

– Ты падёшь, Бес!

– Ты это, кажется, уже говорил... Любопытно... Ну-ну...

– Мы только начали.

– Оооо, да. Тут ты прав. Я ещё даже не разогрелся. Эх! Ве-се-лу-ха!!!

Байкер специально тянул время, чтобы оправиться от встряски и прийти в себя после такого мастерского удара. Он понимал, выжить сегодня будет очень трудно.

Оба встали в стойку, как на ринге. Снова предельное напряжение от чувства опасности накрыли приливы адреналина, концентрация внимания необъяснимо граничила с животной яростью. Общее состояние обоих стало похоже на бешенный невообразимый замес переходящих друг в друга чувств, эмоций и ощущений.

Перед сближением на расстояние удара банкир ещё

немного поиздевался над байкером.

– Начинай, у тебя неплохо получалось до этого.

– Ну, падла...

Нервы байкера не выдержали, он взорвался серией ударов руками. Прямой левый. Прямой правый. Оба в голову.левой снизу в печень. Правой сбоку, снова в голову. Слева сбоку опять в область печени и амплитудный апперкот в подбородок. Это была агрессивная и достаточно быстрая атака классного, опытного и умелого ударника. Такого шквала оказалось бы более чем достаточно для кого угодно. Да, что там! Никто бы не вынес и тройки из серии таких убойных ударов. Но банкир был не «кто угодно». От прямых ударов он успел уйти уклонами, удары в печень принял через блок, от бокового нырнул под руку. Последний, апперкот, попросту пришёлся по воздуху, так как банкир сноровисто переместился, отскочив на двух ногах назад.

В ответ на затяжную, но безрезультатную серию байкера банкир произвёл один жалищий и коварный удар. После отскока от противника он сразу сделал подшаг левой ногой и смачно всадил тренированной голенью второй, правой, ноги по ближней конечности байкера, где мышца квадрицепса заканчивалась, и начинался коленный сустав. Нога, по которой пришёлся удар, оказалась опорной и находилась в напряжённом состоянии, отчего байкеру было только хуже.

Боль была пронизывающей и стремительной. Застряв в пояснице, она дотянулась и уколола куда-то в макушку,

откликнувшись глухим эхом в висках. Вероятно, это был шок. Нога неестественно выгнулась в суставе, и сначала могло показаться, что она сломалась, а коленная чашечка вылетела. Но нет. Конечность всего-навсего отнялась. Байкер совсем её не чувствовал. Нога полностью онемела. Когда он снова поставил её на землю и перенёс тяжесть тела, попытавшись сделать шаг, опять также стрельнуло одновременно в месте удара, пояснице, макушке и висках. Больно. Невыносимо. Это пытка какая-то. Нельзя сдаваться. Нужно драться до конца. Боли нет. Предела нет...

Лысый мажор дрался искусно и грамотно. Он не тратил силы понапрасну, как соперник, а вёл расчётливую, хитрую игру. Для него этот бой, действительно, всё больше становился игрой. Банкир почувствовал превосходство над противником, к нему пришла уверенность в своих силах, и теперь он уже открыто начал издеваться над врагом.

– С каждым разом ты всё ближе к успеху. Не теряй своей святой веры, и у тебя всё получится...

– Ты падёшь, Бес!!!

Полный решимости байкер пришёл в себя. Есть цель, есть силы, значит, и возможности найдутся. Не обращая внимания на слова банкира, человек в чёрном принял прежнюю бойцовскую стойку и вызывающе посмотрел на того, кто смеялся над его попытками, хотя смешного тут не было ничего. Конечно, оба это понимали, и нервы у них натянулись до предела, в сложившейся обстановке они были на гра-

ни психического срыва. А этот мнимый юмор был на грани истерики. Сейчас байкер и банкир готовы рвать друг друга на куски голыми руками. От этого никуда не деться. Всё началось и должно закончиться здесь в любом случае. Но в конце останется кто-то один.

– Опять ты повторяешься. Мне надоело. Придётся тебя заткнуть, червяк.

Решив, что настало время продемонстрировать свои навыки, банкир начал движение к байкеру с намерением разобраться с противником, сломив его настрой. Сначала нужно было окончательно вывести тело байкера из строя, чтобы дальше тот уже не мог драться физически. Банкир чётко помнил, что обещал своему врагу жуткую смерть. Свои слова, абсолютно всё, что было сказано, он твёрдо намеревался исполнить, воплотив в жизнь... В самом прямом смысле.

К лицу байкера устремились два прямых удара, которые были с лёгкостью отбиты в стороны встречными движениями рук. Но это была не столько заслуга байкера, сколько инициатива атакующего, потому что удары эти носили роль отвлекающего манёвра. Они произвелись только для того, чтобы поднять сопернику руки и открыть его корпус. Основной же удар, спрятанный в серию, стал третьим. Технический удар голенью пришёлся в бок по нижним рёбрам хромого человека в чёрном.

Неожиданно для себя банкир ощутил, что нога, которой он бил, жёстко зажата. Это байкер принял удар на себя,

немного смягчив его движением своего корпуса, и захватил ногу атакующего своей рукой на сгибе локтевого сустава, плотно прижав её к повреждённым рёбрам. Боли байкер уже почти не чувствовал. Сейчас были вещи поважнее, чем боль тела.

Момент для перелома ситуации был самый наилучший. Байкер попёр, как тяжёлый танк. Монотонно и периодически посыпались прямые, сокрушительные удары свободной рукой в голову ошарашенного банкира. Один. Два. Три. Четыре. Лысый мажор стоял на одной ноге, вторая была сдавлена в живых тисках у байкера. Мощнейшие удары беспомощно принимало на себя скулистое лицо банкира. Но он не падал. Не понятно почему, опорная нога не подгибалась, и тело не заваливалось по инерции от ударов назад. Байкеру показалось, что соперник теряет сознание, если судить по закатывающимся глазам и безвольно мотающейся голове от последних ударов. Пять. Пауза. Враг, кажется, отключился. Полное напряжение... И со всей силы. Шесть.

Банкир упал. Но его конечность всё ещё оставалась в руках у байкера. Тот был свиреп и зол. Дыхание участилось ещё больше и стало гораздо тяжелее, чем было в начале. Человек в чёрном внимательно смотрел на того, кого только что жестоко проучил.

– Ну, что, тварь?.. Теперь тебе весело?.. Весело?! Ааааа?! Тварь, бля...

Пренебрежительно разжав хват, байкер брезгливо ски-

нул схваченную ногу, от удара которой теперь больно кололо в боку. Человек в чёрном крепко схватился за воротник гламурной, безумно дорогой рубашки и рванул вверх мотающееся из стороны в сторону вялое тело банкира, подтащив его к себе. Тот абсолютно не сопротивлялся, находясь в полном беспамятстве. Байкер попытался поднять обидчика, но то ли ему не хватило сил от усталости, то ли одновременная и разнообразная боль в челюсти, в голове, в районе рёбер, а также в колене не позволила ему это сделать. Всё тело будто вспомнило, что в начале, до этого момента, оно получило множество травм и взбунтовалось в один миг. В результате – банкир оказался на коленях, а байкер стоял над ним, держа плотный ворот когда-то новой и чистой рубашки обеими руками. От боли человеку в чёрном стало дурно, его мутило. Силы были потрачены немалые, и они продолжали расходоваться. Байкер зажмурился на секунду и опёрся на плечи сражённого. Очень больно. Нестерпимо больно. Жутко больно. Но боли нет... Предела нет...

Собравшись, байкер как будто снисходительно, но на самом деле изнемогая, провёл завершающий удар коленом куда-нибудь в голову. Бил человек в чёрном именно куда-нибудь. Лишь бы посильнее... Чтобы наверняка... Чтобы тот, кто был на коленях оказался на спине... И уже не встал. Но посильнее не получилось, а получилось, насколько хватило сил, и насколько позволила травмированная левая нога, которая при ударе снова оказалась опорной. Поэтому при-

ём был сопровождён пронзающей болью, от которой сводило виски, и вылезали наружу глаза.

Банкир упал в грязь, распластав руки. Байкер перескочил на правую ногу и, немного потеряв баланс, непроизвольно запрыгал на ней назад, так как не мог уже поставить больную, левую, конечность на землю и полноценно на неё встать. Он не знал, куда ему деться: упасть рядом с банкиром и корчиться от боли, ожидая, пока она пройдёт, и он снова сможет встать и идти, или оставаться на ногах и терпеть. Но терпеть невозможно. Слишком сильно ему досталось в начале. Челюсть онемела и зудела тупой болью. Скорее всего, у него сильное сотрясение мозга. Плюс, вероятно, сломанные рёбра и неспособность двигаться. Колено и мышца на ноге тоже простреливались ужасной болью. Всё тело устало и ныло.

Враг зашевелился. Глухо застонал. Он, очевидно, приходил в себя. Для человека в чёрном это было очень плохо. Байкер явно расслабился, а когда пришёл в себя, было уже поздно. Он отпустил ситуацию на несколько секунд, дал себе слабину, чтобы перевести дух, потеряв контроль над своим телом и разумом. А сейчас он уже не мог быстро мобилизовать всю свою волю и подавить болевые ощущения за счёт внутренних резервов. В результате всё опять вернулось с того, с чего началось. Разница была только в том, что оба были далеко не так свежи и совсем не активны, потому что потратили огромное количество сил и энергии, получив взамен ничего, кроме увечий и боли.

Шум дождя не прекращался. Леденящие капли обильно падали с тёмно-серого неба, и грязь начала стекать с чёрной одежды байкера, еле стоящего на одной ноге, так как вторая лишь носком слабо касалась земли. Одну руку байкер прижимал к рёбрам, простреливающим болью при каждом глубоком вдохе. Дождь поливал, не утихая. Омывая лысую голову банкира, смывая частички грязи с избитого лица, и перемешивая их с кровью. Тот уже поднялся на одно колено и опёрся на него рукой, сознание возвращалось. Банкир плотно жмурил и открывал глаза, мотал головой, глубоко и тяжело дышал. Он был потрясён. Но вскоре взор прояснился, и, как прежде, ясные, злобные и жестокие глаза свирепо смотрели на байкера.

Лицо мажора потеряло лоск, привлекательность и наглую смазливость. Оно было полностью разбито тяжёлыми ударами крепких кулаков. Размочаленный нос стал лилово-багровым и опухшим, переносица была разбита вдреизг, на ней также зияло рассечение. Из ноздрей обильно текла кровь, которая начала сворачиваться, сгустками капая на землю и на рубашку, от чего рубашка стала розово-серой из-за грязи и кроваво-дождевых разводов. Один глаз начал заплывать от того, что под ним начала расширяться обширная гематома. Губы превратились в месиво и почернели от запёкшейся крови. Но самое главное – это то, что стало с правой щекой. Туда попало колено, которым байкер бил из последних сил. Щекой это назвать было уже нельзя. Кожа на правой части

лица лопнула от убойного удара, начиная от острой точёной скулы, и проходя через всю щеку почти до окончания челюсти, очерчивающего лицо. Это была не просто сечка. Кожа, действительно, лопнула, вывернувшись мясом наружу, словно бутон раскрывшейся розы. Из этой пульсирующей раны обильно сочился кровавый поток. Жуткое зрелище.

Казалось, что банкир совершенно реально превратился в разозлённого и голодного зверя, которому крепко досталось от его же добычи. Но теперь ничто его не остановит. Безжалостная и беспощадная расправа ожидает того, кто встанет на его пути. И это была не слепая ярость, а пугающе расчётливое безумие. Во внешнем виде этого существа читалась неизбежность в ужасной обречённости каждого, кто против него.

Байкер был не из трусливых, но сейчас ему стало жутковато от того, что он видел напротив себя... Не «кого», а именно «что». По спине пробежали холодные мурашки, и выступил ледяной пот, хотя тело было разгорячённым от интенсивной нагрузки, которую оно получало в жаркой схватке на выбывание из жизни. В голове засела тревожная до ужаса мысль, что существо перед ним окончательно обезумело, и теперь его не остановить. Но сделать это необходимо. И он готов попробовать, рискнув всем, что есть.

Внешний вид банкира напоминал обезумевшее чудовище, посаженное за решётку, которое раздражили свежим мясом, но не дали его, а положили рядом с прутьями клетки. Слов-

но какие-то глупцы поиздевались над смертоносным зверем и остались посмотреть на его реакцию. Вся беда в том, что дверца этой решётки осталась не заперта, и зверь обнаружил это несколько секунд назад. И вот те, кто недавно хохотали, теперь не так беззаботны, их задор куда-то пропал, а внутри поселилось сомнение, и закрался животный страх. Зверь, напротив, почувствовал свою силу, он знает, что станет с бедолагами через несколько мгновений и уже явственно видит, как будет рвать на куски не мясо, брошенное около клетки, эта падаль не для него, он не питается мертвечиной. Чудовищный хищник будет грызть плоть садистов, недавно насмехающихся над ним.

То, что дальше увидел байкер, окончательно повергло его в шок. Тело банкира всё ещё оставалось в приклонённом положении, только сейчас оно сжалось, как будто его мучили жуткие боли где-то в печени или желудке. Его била судорога, или какой-то сильный озноб. Голова опустилась вниз, словно он специально прятал обезображенное лицо, прижимая подбородок к груди. Плоть банкира конвульсировала. Он то бешено сокращал все мышцы тела, то успокаивался и переводил дыхание. Очевидно, что банкир всё ещё сохранял своё сознание в полном порядке. Странно, видимо, он не испытывал болевых ощущений, потому что не стонал и не просил о помощи. А что, если эта боль ему приятна, что, если он получает удовольствие от этого адского состояния? Что, если это грозит неприятностями для байкера? Что, если это

начало конца?

Банкира окончательно накрыло цунами из непрерывных и сильнейших конвульсий. Он всё так же опирался локтем одной руки на колено, а второй рукой упёрся в грязь на земле. Амплитудная тряска всего тела перешла в резкие и короткие сокращения только спины и плеч. Затем эти странные судорожные колебания превратились в активный смех. Так смеются главные злодеи в фильмах про добро и зло. Но сейчас был не фильм. И тут никто не гарантирует победу протагониста, сражающегося за правое дело на стороне добрых парней.

Кисть руки, находящаяся на земле, куда приходилась тяжесть части массы тела банкира, медленно сжалась в кулак, зачерпнув полную ладонь грязи. Банкир посмотрел на байкера и поднял кулак на уровень своей головы. Лысый мажор плотно сжал кисть так, что между пальцев начала вытекать грязная, мерзкая жижа.

Как роковой гром прогремел тихий, вкрадчивый голос поучительным и угрожающим тоном.

– Вот, что будет с тобой. Теперь мне определёнno станет весело.

На байкера смотрел уже не банкир. А бес. Истинный бес в своём настоящем обликии. Порождение тьмы. Порождение зла. Воплощение хаоса. Материализовавшееся «ничто», сконцентрировавшее в себя всё противоположное жизни, добру, любви. Альтернатива истинной добродетели и благу.

Рукава на рубашке банкира были небрежно закатаны перед дракой, обнажая прорисованные мускулами рельефные предплечья. На открытых участках тела: на руках и голове, неестественно вздулись вены, проявились кое-где полупавшиеся капилляры. Сосуды налились бардовым оттенком и отчётливо выделялись на коже. Их ритмичная пульсация внушала опасения. Казалось, что они сейчас вот-вот лопнут под давлением крови внутри них. При этом кожа стала блее. Может, от осеннего холода и сырости, но, скорее всего, байкер просто хотел в это верить, давая всему естественное объяснение. Кожа приобрела даже не белый, а синюшно-бледный оттенок, что навивало мысли о покойниках. Бес, как порождение смерти. Кровяные сетки и нити по всему белёсому телу мощно пульсировали, создавалось впечатление, а, скорее всего, так и было на самом деле, что они переливались всеми оттенками красного от бледного, почти розового, до алого и бардового. И глаза... Они тоже изменились... Веки закрывались гораздо реже, практически не моргали. Белки стали полностью красными, зрачки же отсутствовали напрочь. На байкера смотрели два больших глазных яблока яркого огненно-кровавого цвета с переливами пламенных разводов, как на венах рук. Настоящий монстр. Сверхъестественное чудовище. Злобный дух, обличённый материей из человеческой плоти. Сгусток злой энергии, чёрной энергии темноты, обретшей физическое тело. Дух с невероятно сильным телом и гениальным разумом.

Невыносимо громкую тишину разразил истеричный крик байкера.

– Ты падёшь, Бес!!! Ты падёшь!!! Клянусь!!! Я сразу тебя, Бес!!! Ты падёшь!!!

В голове пронеслось: «Предела нет...».

Бес резко встал и хладнокровно направился к противнику. Тело байкера не дрогнуло, не дёрнулся ни один мускул. Это была битва двух мировых титанов, двух великих воинов всех эпох. В них сконцентрировалось всё, что знали, и чего пока ещё не знали на планете. Противостоящие друг другу бес и воин-пилигрим вобрали в свои материальные тела всё многообразие существующего мира, как видимого, так и незримого. Абсолютно все факторы и составляющие бытия, даже немислимые по масштабам времени и пространства, непознанные в пределах знаний о морали и нравственности, невообразимые в природе состояния и поражающие по силе энергии.

Байкер не отступил ни на шаг, не шелохнулся. Трусости он бы себе никогда не простил, слишком крутой был у него характер. Да и некуда было бежать, он просто не смог бы этого сделать с отбитой ногой. Бес неотвратимо приближался, ещё один шаг, и он будет карать врага. Байкер опередил его. Тяжёлый удар всем телом обрушил кулак на голову беса и остановил изуродованное бледное исчадие со страшными, налитыми кровью глазами. Бес просто встал рядом. Удар. Ещё удар. Всё по голове. Байкер бил с неистовым остер-

венением и отчаянием. Бес же равнодушно стоял, не отвечая. Только разбитая до мяса голова немного откидывалась из стороны в сторону. Байкер сильно уставал с каждым новым ударом, быстро выдыхаясь. Тело испытывало невыносимые мучения от боли и уже орало в его разум о запредельном стрессе, который испытывало. Обречённость начала заполнять сознание. Человек в чёрном, не переставая, бил и бил по бесстрастному противнику, но тому было нипочём. Никакого эффекта. Последняя серия из трёх ударов уже не была такой яростной, силы окончательно покинули тело байкера. Полностью истощённый он повис на плечах у беса, тяжело дыша, и пытаясь вернуть ясность сознания вместе с физическими кондициями. Противники стояли так некоторое время, словно боксёры супертяжёлого веса в клинче.

– Ты закончил, я полагаю? Тогда позволь мне начать и приготовься. Сейчас я заставлю тебя по-настоящему страдать. Узри моё величие.

Бес схватил левой рукой байкера за плечо, а правой, как бы обнял за талию, затем молниеносно подсел под коренастый торс, скрутился в корпусе, играючи приподнял обесиленное тело, оторвав его от земли, и резко потянул левой рукой, впившейся в плечо противника, на себя и вниз, одновременно продолжая скручивать корпус. В результате, он смачно бросил ошарашенного воина-пилигрима на землю с высоты половины своего роста, придав тому ускорение в конце за счёт невероятной силы своего тела. Бес налёг

на оглушённого байкера сверху и начал часто молотить его кулаком одной руки, просто и без затей лишая, таким образом, соперника жизни на земле. Но жизнь пока не торопилась оставлять плоть воина-пилигрима. В безумной агонии байкер чувствовал каждый удар, он не мог уже ничего сделать, но чутко воспринимал всё, что делал с ним враг. Было ясно, бес контролирует свою силу, чтобы не убить человека в чёрном сразу, одним ударом. Похоже, что история «про червяка» для байкера начинает сбываться.

Бес застыл, решив остановиться и понаблюдать за реакцией врага. Потом он встал над поверженным телом. Встал и начал ждать. Он просто смотрел. Смотрел и наслаждался.

Внизу началось слабое движение. Несгибаемая воля байкера не позволяла ему сдаваться. Человек в чёрном зашевелился, тяжело перевернувшись со спины на живот. Вскоре воин-пилигрим застонал и несвязно забормотал что-то разбитым лицом. Бесу стало интересно, но он никак не мог разобрать несвязные звуки изо рта байкер.

– Ы... Ы...

– Что?

– Ы... паё...

Бес даже немного склонился над противником и наигранно спросил, приставив к своему уху ладонь, как бы прислушиваясь.

– Что? Я не понимаю... Повтори, пожалуйста.

– Ы... аёш... Ты... аёш... Ес... Эээмммм... Эела эт.

Кажется, до беса дошёл смысл фразы, и он решил убедить-ся в правильности своих домыслов. Но одновременно с осознанием сути мычащих стонов к берегам спокойствия и выдержки банкира подкатил прилив гнева. Бес зловеще выдал из себя протяжные слова.

– Повтори, падла. Повтори чётко, тварь!!!

– Ты... Адёшь... Едела... Нет.

– Заткнись, червь!

Бес ударил байкера ногой по больным рёбрам. Тот подлетел, оторвавшись верхней частью тела от земли, и снова упал в грязь. Из-под тела вылетели брызги холодной жижи. Бес продолжал стоять, ничего не делая. Он просто смотрел. Вдруг плоть внизу зашевелилась, байкер попытался подтянуть колени, но не смог. Попытался ещё раз. Медленно и с трудом, но у него это получилось. Потом он встал одной рукой на локоть, а ладонью второй руки упёрся в землю, постарался подняться хотя бы на четвереньки, но не смог. На этом силы покинули его окончательно.

Тогда байкер решил начать диалог из неудобного для себя положения, уткнувшись в грязь. Бесу стало безумно интересно такое развитие событий. Голова воина-пилигрима не поднималась, а понуро болталась в нескольких сантиметрах от земли. Собравшись, байкер выдавил из себя связную фразу довольно чётко и членораздельно.

– Жаль, что ты ещё не осознаёшь одной маленькой, но очень важной для тебя вещи...

Бес был весьма заинтригован. Хоть он и забавлялся со своей жертвой, его распирало от любопытства. Что может быть ещё такого важного для него, когда враг в плачевном состоянии и угрозы больше нет абсолютно.

– Говори, я слушаю. Внимательно.

– Да, это важно... Но это очень смешно, поверь...

Байкер попробовал засмеяться, но жуткие боли во всём теле прервали его, как только он начал. Тогда он сплюнул скопившуюся кровь во рту и продолжил.

– Жаль, что мне не посмеяться, это, действительно, ржачно...

Бес начал раздражаться, его бесил сарказм байкера, в котором ясно звучала насмешка слабого над сильным.

– Говори, тварь!

– Да-да, конечно...

Человек в чёрном сплюнул загустевшей кровью ещё раз.

– ...Вот что я хотел сказать... Только слушай внимательно.

Байкер выдержал небольшую паузу, незаметно улыбнулся сам себе и произнёс:

– Ты падёшь, Бес. Предела нет.

Разум банкира взорвался, а сознание пришло в бешенство. Он начал избивать лежащего байкера ногами.

– Лежать! Лежать, сука! Я тебя проучу! Ты пожалеешь о том, что родился на свет! Лежать!

Остановившись, и переводя дух, бес увидел, как воин-пи-

лигрим всё ещё шевелится, снова пытаюсь встать. Тогда банкир продолжил избиение, нанеся байкеру ещё несколько серьёзных ударов ногами.

– Лежать, я сказал! Лежать, мразь!

Байкер опять робко попытался подняться, но теперь распахивавшийся враг уже не прекращал избиение лежащего ни на секунду.

– Лежать, червяк!!!

Агония ворвалась и захлестнула сначала всё тело, потом проникла в голову, завладев разумом, в конце она зацепила сознание и душу, просачиваясь и там. Больше для воина-пилигрима не было ничего: ни чувств, ни мыслей, ни эмоций, ни ощущений, ни идей... Ничего. Последнее, что он понимал, но уже никак не ощущал, это то, что у него ломаются в щепки все рёбра с левой стороны. Абсолютно все. А ещё он предполагал, что скоро откроется внутреннее кровоотечение органов, а может, уже открылось. Теперь организм, скорее всего, медленно уходит из жизни. Сейчас наступит потеря сознания, его накроет пелена мрака, и окутает пустота. Скоро его физическая оболочка вовсе перестанет функционировать. Если говорить проще, тело байкера вот-вот умрёт.

Всё. Закончено. Для банкира половина дела сделана. Можно продолжать дальше, чтобы закончить то, ради чего всё это произошло. Бес постоял ещё некоторое время, изучающе смотря на затихшего внизу воина-пилигрима. Возможно, банкир чего-то ждал, но ничего не происходило. Тогда,

повременив ещё немного, чтобы окончательно быть уверенным в своей победе, бес внимательно посмотрел на поверженного врага и пристально оценил обстановку. Всё. Это конец.

Банкир набрал в пересохший рот слюны и сплюнул на избитое им тело.

– Эмммда...

Развернувшись, оставшийся в живых направился к машине, которая уже догорела или просто потухла из-за сильного дождя. Там находилась цель его стараний. Точнее, две цели. Два маленьких тела возле разбитого автомобиля под дубом. Два ребёнка. Они были на грани жизни и смерти. Вот то, ради чего здесь случилось всё, что случилось. Истинная причина спора двух начал, двух противоположностей. Весь мир застыл, сделав своим центром молодые создания, лежавшие без чувств на земле, и тех, кто определит судьбу этих двух сгустков порождения жизни. Будет это их рассвет или закат? Сейчас всё решится.

Бес медленно, но неотвратимо, как злой рок, шёл к двум маленьким телам возле могучего дерева, словно ужасный монстр из сказки, которым пугают непослушных детей. Он смаковал этот момент, предвкушая, что конец в реальности окажется именно таким, которого больше всего боятся взбалмошные маленькие проказники. Банкир ликовал, осознавая, что сегодня явно его день, вернее, ночь. Уже ничто и никто не встанет на пути. Всё сейчас находится в его вла-

сти, он организовал это сам, по праву добившись результата. В движениях не было спешки, напротив, бес специально растягивал удовольствие, наслаждаясь своим превосходством над всеми в этом убогом мире.

На полпути до заветной цели, пройдя пятнадцать-двадцать шагов по земле, которая успела превратиться под непрерывным дождём в однородную грязную жижу, банкир неохотно остановился и нерешительно, как-то робко, обернулся туда, где уже несколько минут лежало тело байкера.

Голова беса поворачивалась с трудом, но даже когда повернулась, взгляд всё ещё отказывался смотреть в район, где только что шла бойня двух титанов. Банкир был смущён и напряжён, словно чего-то тайно боялся, сомневался в чём-то. Тут же вспомнились слова байкера, которые фанатично им повторялись даже на грани собственной гибели. Эти слова, казалось, тогда же благополучно забылись... Но нет. Они просто вгрызлись бесу глубоко на подкорку головного мозга и сейчас назойливо тревожили его, навязчиво раздражая, мучая, пугая.

Всё же он переборол себя и устремил свои по-прежнему горящие кроваво-красные глаза туда, куда так не хотел смотреть.

В голове раздался сильный оглушающий удар колокола. Низкий, чистый, глубокий звук. Этот звон прогремел, как приговор, как зловещий рок, но уже для беса. Конечно, никакого колокола рядом не было, но банкир ощутил непри-

ятные нервные вибрации по всему телу от голоса, который произнёс треклятые слова снова наяву.

– Ты падёшь, бес!

Звук фразы резонансом усилил внутреннее потрясение, нервная дрожь банкира сконцентрировалась и предельно сжалась, застыв комом где-то посередине груди.

Он никогда бы не поверил тому, что снова слышит этот голос, если бы не видел то, что предстало пред его бледным, обезображенным, изуродованным лицом. Глаза сильно округлились от удивления, став ещё более алыми на синюшно-белом фоне, а выражение лица застыло в маске удивления и недоумения. Если такое применимо к созданию, коим являлся банкир, то можно было бы сказать, что он изумлён и напуган.

Там, где раньше лежало сражённое тело байкера, побеждённое бесом, стояла фигура человека, отсвечивающая тусклым светом. Да, это было свечение. Внутреннее сияние, похожее на то, когда свечу накрывают каким-нибудь колпаком с прорезями для света, чтобы пламя случайно ничего не подпалило, а просто дарит спасительное освещение во тьме. Так же и тело байкера сейчас как будто излучало внутренний свет, пробивающийся изнутри. Спасительный дарящий жизнь свет.

В этот раз бес ничего не смог ответить, он был поражён увиденным. Не зная, как реагировать, сейчас он просто стоял, ничего не предпринимая.

Байкер тяжело дышал. Он стоял уверенно и монументально. Голова была опущена, он смотрел в землю и концентрировался. С ним явно что-то происходило. Как будто он набирал силу, аккумулировал её в себе, впитывая из окружения. Словно в нём копилась потенциальная энергия, которую вскоре придётся щедро тратить ради победы, ради будущего.

Байкер взялся за горло чёрного бадлона обеими руками и разорвал его от верха до низа одним движением легко и беспрепятственно. Соппротивление плотной материи никак ему не помешало. Это не составило никаких трудностей для ещё недавно измождённого и полностью ослабленного тела, находящегося в абсолютно плачевном состоянии. Движения рук были настойчивыми, плавными и, казалось, совершенно спокойными. Теперь сил было достаточно, порвать бадлон оказалось так же просто, как моргнуть веками глаз.

Эпичная и грандиозная картина. Воин-пилигрим предстал во всём великолепии. Истинная красота его образа завораживала и вдохновляла. Он стоял выдержано и бесстрашно, преисполненный отвагой. Вот его сущность, его истинный облик. Состояние откровения. Воин-пилигрим предстал порождением света, творением, сочетающим в себе высшие проявления мира. Это была гармония чистого разума, проникновенного сознания и совершенного по функциональности тела. Настоящая феерия материи, духа и энергии. Перерождённое мифическое и величественное создание, вобрав-

шее тайны мироздания, пропустившее их через своё существо, принявшее их всей своей сутью, сделавшее себя частью этих тайн. Теперь это был не просто воин-пилигрим, сейчас он обрёл форму настоящего паладина света. Перед бесом пробудилось нечто, что стало единым и неделимым, вобрав в себя благодать жизни, призванное защитить эту самую жизнь.

Воин-паладин стоял с обнажённым торсом, уже совсем мокрым, но девственно чистым, так как вся грязь и кровь остались на разодранном бадлоне и чёрных джинсах. К тому же дождь смывал с тела байкера остатки следов недавнего жаркого и безжалостного боя. Казалось, что пред бесом предстал другой человек. Абсолютно обновлённый, возвышенный образ, царственный и величественный по своей сути. Приверженцы теории Дарвина с уверенностью гордо называли бы это творение – высшей степенью проявления эволюции, а самого байкера – идеальным во всех отношениях видом на вершине эволюционной цепи. И они бы не далеко ушли от истины. По правде, так оно и было.

Оказалось, что всё тело воина-пилигрима покрыто какими-то татуировками, больше похожими на пигментные пятна на кожи. Но эти пятна плотно покрывали каждый участок тела в бессистемном, на первый взгляд, хаотичном порядке, хотя при детальном рассмотрении можно было уловить особую, загадочную и не очевидную закономерность. По крайней мере, оставалось чувство, что такая закономерность точ-

но есть. Это были символы, знаки, неизвестные письмена старинных эпох, как отголоски самых древнейших этносов и различных культур. Из всего, что могло быть хоть как-то понятно и объяснимо, выделялись клинопись, рунное письмо, тут же рядом встречался санскрит, футарк, разнообразные иероглифы, а также латынь и древняя арабица. Поверхность тела была заполнена текстами или чем-то вроде текстов: грудь, руки, плечи, лопатки на спине, поясница, живот, часть шеи – всё тело. Байкер был похож на живую книгу, в которую делали записи на мёртвых языках народы, жившие сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч лет назад... Кто знает, может даже больше. Воин-паладин носил на коже отпечаток всех времён. Также можно было различить нечто вроде рисунков и узоров. Например, таинственные прямые и перевёрнутые восьмёрки, скорее похожие на знак бесконечности, какие-то загадочные окружности маленькие и большие, окружности в окружностях, окружности, переходящие в спирали. Спирали, кстати, встречались весьма причудливых форм с множеством всевозможных изогнутых витком, витков, соединённых, опять же, в спирали. Встречались участки со странным поперечным чередованием коротких полосок, сформированных в вертикальные столбцы. Нательная роспись была очень тонкой и причудливой. Безусловно, такая замысловатая, сложная и искусная работа должна быть делом рук настоящего мастера, но, вряд ли, человек, пусть даже самый гениальный, способен создать такое чудо. Как

раз все эти татуировки, которые были вовсе не чернилами, занесёнными под слои кожи тонкой иглой, а чем-то гораздо более сакральным, излучали то самое сияние изнутри тела байкера. Возможно, ранее они и были тёмно-серого оттенка, но в эту минуту испускали волшебное, магическое оранжево-золотистое лёгкое свечение, как будто сквозь них пробивался внутренний свет.

Общая картина была невероятной и грандиозной, теперь она была полностью завершена. С одной стороны в состоянии откровения стоял паладин света в истинном своём величии несломленный, восставший и перевоплощённый. С другой стороны был разъярённый и смертоносный бес, как символ иных жизненных принципов, олицетворяющих тьму.

Описать беса вкратце не трудно. Это было коварное, опасное, беспощадное, кровожадное, хитрое создание, порождение зла, смерти и горя. Он обладал теми же возможностями, что и воин света, той же силой и властью в равной степени с ним. Отличалась изначальная суть их поступков, противоположная природа их существования. Они были различны друг к другу как «да» и «нет», как добро и зло, как белое и чёрное. Очень просто и одновременно бесконечно сложно постичь глубину этого неразрывного противоречия. Бес вкусил момент наслаждения триумфом, но теперь его самоуверенность и самодовольная наглость исчезли, смылись леденящими потоками с неба и растворились без следа в противной грязи под ногами. Худшие опасения, закрававшиеся после

последних слов байкера, грозили сбыться. Вот почему бес так долго стоял и смотрел на падшее ниц тело, окончательно убеждаясь в безусловности своей победы. Он знал, что такое могло произойти. А теперь он по-настоящему испугался, опасения переросли в панику. Хладнокровным сейчас оставался лишь воин-пилигрим. Байкер стоял совершенный и безмолвный. Ни капли сомнения во взоре, только грустная отречённость и скрытая печаль, но в то же время непоколебимость и отвага.

Детские тела на земле по-прежнему лежали, не подавая признаков жизни. Этот вселенский конфликт был гораздо более серьёзным противостоянием, чем казалось в начале. Осталось только разобраться во всём до конца.

– В сторону, бес. Отступи пред величием истины. Эти души ты не получишь. Дети будут жить, но их сознание не тронет тьма.

– Так просто я не отступлюсь, ты знаешь, паладин. Я уничтожу и тебя, и то, что внутри тебя... У-ни-что-жу... Тебя не станет. Понимаешь? Не станет совсем... Тьма и мрак... И ничего вокруг... Это сводит с ума. Интересно, каково это, когда тебя нет? Ты скоро это поймёшь и ощутишь. Но может, ты ничего не почувствуешь, тебя же не станет. А эти юные и чистые души будут мои, эти дети мои. Слишком много поставлено на карту. Я не отступлюсь. Только не сейчас. Приготовься исчезнуть и отправиться в небытие.

– Я – восстал, а ты – падёшь!!! Смирись, бес, и узри!!!

Мнение беса совсем не интересовало воина-пилигрима. Он не обращал никакого внимания на то, что вырывалось из глотки обезумевшего, находившегося на грани срыва банкира.

Байкер начал свой бесстрастный, но суровый крестовый поход в сторону врага. Исполненный веры он двигался неотвратно без тени сомнения и страха. Внешний вид паладина излучал непреклонную отвагу и хладнокровие. Тело байкера возродилось. Он был не просто жив, он был, как будто бы, здоров и невредим. Байкер, действительно, чудесным образом воскрес и вновь восстал против нечисти, но уже в новом качестве и облики, в истинном своём лице война света, самурая ментальности и духа. Его тело не было исцелено, но оно наполнилось свежими жизненными силами. Паладин даже не хромал на ту ногу, которая была практически уничтожена, не стонал от боли сломанных рёбер. Необъяснимая вселенская сила то ли вселилась в его сражённое тело, то ли он позволил ей выйти наружу, дав возможность проявиться в естественной своей форме.

Бес оказался не готов к такому развитию событий и, запаниковав, начал отступать, чему свидетельствовали мелкие шаги назад. Он перебирал ноги в нерешительности, судорожно ища пути к спасению. От отчаяния банкир был готов развернуться и просто бежать туда, где был вождьленный приз его стараний, к высокому, огромному дубу, под которым всё так же безжизненно лежали дети, вернее, их тела.

Добежать, получить желаемое и скрыться подальше от этого настырного и неутомимого воина, надвигавшегося сейчас на него, как рок, как приговор, как кара. Но сделать это было невозможно, просто нереально. Необходимо было сражаться... За свою жизнь. Бес испугался.

Байкер по-прежнему неотвратимо надвигался, бес пятился. Так они приблизились к необъятному стволу древнего дерева. Вблизи этот ствол казался практически стеной. Детские тела были неподалёку от них, буквально в нескольких шагах.

Паническая сирена прервалась у беса в голове, когда он неожиданно для себя и от этого достаточно больно уткнулся спиной в твёрдую дубовую породу. Его обезображенная голова глухо стукнулась по инерции тела о жёсткий и прочный ствол. Банкир не успел ничего понять, как сразу же моментально отскочившую от дерева голову догнал многотонный удар руки, наделённой уже сверхъестественной силой. Неимоверный, разящий удар, вобравший всю мощь, которой теперь обладал байкер. Эта мощь уже свергала не одного беса, банкир уж точно был не первым. Однако это создание не было посредственным и слабым. Банкир являлся бесом самого высокого уровня концентрации эзотерических структур. Он был могущественным существом, вобравшим в себя всё, чем обладают паладины света, но с другим знаком... Противоположным, чуждым им. Именно поэтому бес всё ещё продолжал стоять на своих ногах. Его тело снова чу-

довишно врезалось в древесную массу. Дуб содрогнулся под такой потрясающей ударной нагрузкой, но стерпел и с понижающим снисхождением выдержал её. Он был готов терпеть и дальше, словно под ним происходило не вселенское побоище двух высших существ с разных полюсов мироздания, а всего лишь шалости не поделивших что-то малышней. Дуб, как безмолвный свидетель созерцал всё это, косвенно участвуя в процессе.

Байкер ошеломил врага, это было точно. Он схватил беса за ключицы с прокаченными сверху трапециями, начав монотонно и методично, как молотильно-ударный станок, тряссти противника, швыряя того вновь и вновь на твердь дубовой поверхности. Паладин даже не тряс обмякшее тело, а просто с силой толкал беса на прочную древесную стену, тот получал чудовищный удар всем телом, как при падении с многоэтажного дома, и отскакивал обратно, вновь испытывая неизбежный толчок. Так продолжалось снова и снова... Пока бес не произвёл контрудар.

Очередной сильный толчок, и бледное существо с ярко-красными выделяющимися венами в бессилии ударяется о дуб. Отскакивая, бес движется снова в объятия своего врага. Но тут он резко поднимает руки вверх, а затем проворным движением вниз молниеносно сбивает протянутые к нему конечности байкера. Устремившись к воину-пилигриму, придавая своему телу попутное ускорение, бес всей своей массой реактивно, в один миг, врезает свою верхнюю

часть лба байкеру между глаз в переносицу. Нос сломан, разбит вдребезги.

Чрезвычайно стремительный приём был исполнен мгновенно, как полёт крупнокалиберной пули, и сокрушающе, как падение водородной бомбы. Паладин завалился назад и упал, потеряв равновесие на грязи и остатках скользкой от влаги травы.

Боль, она ощущалась, как прежде, но это была тупая, отдалённая и приглушённая другими чувствами боль. Её можно было терпеть, потому что внутри всё и так пылало от жара и света, которые пробивались через неисчислимы татуировки на обнажённом торсе.

Бес кинулся на байкера и повалился сверху. Паладин попытался было скинуть атакующего, хаотично размахивая руками и ногами, извиваясь под ним как юркий мангуст. Но все попытки были пресечены. Два дробящих плоть удара, направленные в грудную клетку, временно успокоили воина-пилигрима. У него сбилось дыхание, и, кажется, сломались оставшиеся нетронутыми рёбра. Бес вцепился обеими руками байкеру в горло и надел на него окончательно, придавив телом сломанную грудину, а коленями прижал к земле плечи байкера так, чтобы противник снизу не мог активно двигать руками. Плачевное положение. Паладин прекрасно осознавал, что если он чего-нибудь не предпримет, то через несколько минут бесовская сила окончательно уничтожит его, и всё окажется напрасным.

Ловким и отчаянным рывком байкер освободил одну руку из-под ноги беса, попытался разомкнуть кисти, сдавившие тисками его горло, но даже мизинцы крепкого захвата не поддались упорству остатков сил байкера, которые он старательно пытался применить, спасая своё тело от гибели. Бес держал намертво. Тогда воин-пилигрим дотянулся до лица врага и большим пальцем надавил на залитый красным глаз беса, широко раскрытый в безумном раже. Глаз лопнул и вытек, в глазнице остался только палец байкера. Реакции со стороны беса не последовало. Он с прежним остервенением и звериным бешенством душил паладина, не обращая никакого внимания на стекающий по телу сгусток кровавой слизи. Глаза у банкира уже не стало, ситуация была исчерпана, вариантов не оставалось. Байкер чувствовал, как истекают последние капли вновь обретённых сил, а вместе с ними и последние мгновения его физического присутствия в мире материй.

Поистине жуткая, ужасающая картина из двух созданий невероятной силы с колоссальной энергией, наделённых ментальными и духовными откровениями, находящихся на высочайшей ступени творения мира, отчаянно борющихся за своё существование.

Физиономия беса искривилась в кошмарной, зловещей улыбке. На фоне пугающего, полностью обезображенного лица эта улыбка едва ли была различима. Но на байкера смотрело возбуждённое маниакальной радостью, пред-

вкушающее победу, невменяемое, одуревшее лицо смерти. Злобное безумство и бешенство, неужели, это – всё, что запомнит сознание перед тем, как оно покинет телесную оболочку, и дух устремится к иным мирам в поисках «истинного я».

Нет! Только ты. Предела нет.

Паладин впился в оставшийся глаз беса пронизывающим и каким-то изучающим взглядом. Этот ясный взгляд был пропитан странной чистотой идеального бриллианта, словно являющегося наконечником разящего копья, которое проникло в сознание беса насквозь. Банкир осёкся и в смятении подался назад, не отпустив при этом плотно сжатых рук от горла воина-пилигрима.

Паладин обеими руками схватил предплечье противника, восседающего сверху, надёжно зафиксировав в районе своей груди одну из конечностей беса, вцепившуюся в шею байкера. Затем одним быстрым рывком он подтянул к себе и закинул обе ноги бесу за голову так, чтобы они оказались перед торсом врага. Банкир понял, что к чему, рефлекторно дёрнул руку на себя, но было поздно. Теперь уже байкер удерживал её своими стальными кистями. Хват на горле ослаб, и воздух мощным потоком, как водопад с обрыва после преодоления естественных заторов, хлынул через шейные каналы к травмированным лёгким. Стало гораздо легче. Глубокий вдох. Байкер чуть не подавился насыщенным влагой, свежим, холодным, живительным воздухом, содержащим такой драго-

ценный, такой долгожданный и такой необходимый кислород. Мощный выдох. Титаническое усилие. Прогиб. Байкер завалил беса на землю, стряхнув с себя. И вот уже бес лежал на спине в холодной грязи, а его рука была схвачена и зажата между ног паладина. Байкер также остался лежать лицом кверху, но теперь положение банкира было куда хуже, потому что паладин рьяно прижимал бесовскую конечность к своей груди, боясь отпустить или ослабить захват. Встав на мост, изогнувшись при этом в дугу, воин-пилигрим проявил чудеса акробатической гибкости. Это был классический приём с выходом на болевой захват, полностью поменявший расстановку сил.

Дикий рёв разорвал постоянный монотонный шум дождя. Нечеловеческий оглушающий кошмарный крик, раздражающий психику в клочья, наполнил пространство густотой бесовского ужаса, демонического страха и боли. Так отчаянно вопит загнанный зверь перед смертью, осознавая свою беспомощность. Рука беса была сломана. Вернее сказать, байкер вырвал её из плечевой сумки и сломал в двух местах одновременно. Теперь она была бесполезна.

В несколько ловких и сноровистых движений паладин оказался возле тела банкира, извивающегося на земле в агонии и неистовой боли. Байкер налёг на бившийся в конвульсиях бесовский торс и опёрся локтем на солнечное сплетение, перенеся на него большую часть своей массы, чтобы усмирить врага и приступить к завершающему ритуалу. Вто-

рую, свободную, руку он повелительно положил на одноглазое искалеченное лицо беса, поймав его дёргающуюся из стороны в сторону голову. Силы ещё оставались, но их было предельно мало, мало катастрофически. Тогда паладин света – хранитель всего живого, благородный воин-пилигрим, защитник гармонии и целостности начал то, что должно было поставить точку.

– Я... Есть порождение света! Я... Есть суть и основа, причина и цель всего! Я... Есть всемирный закон жизни! Я... Есть целое и единое из неделимого! Я... Есть истина! Во имя тела, души и разума! Во имя мудрости, воли и любви! Во имя развития и созидания! Во имя всеобщего благоденствия и процветания истинной жизни!!! Призываю силы света! Да отступит мрак!.. И падёт слуга тьмы – воплощение сути зла и скверны.

Прервавшись на тяжелое дыхание, словно набираясь сил, байкер продолжил:

– Да прибудет со мной сила всех миров и всех «тел»! Во славу жизни! Во имя блага! Во имя истины! Во имя нового цикла!!! Изыди, бес!!! Изыди, бес!!! Изыди, бес!!! Гори, бес!!! Сгори до конца!!! Изыыыдиии, бес!!!

Сквозь многочисленные узоры, символы и письмена на изнурённом, изнемогающем теле байкера начал проступать ещё более яркий искрящийся золотом свет. Это сияние становилось всё сильнее и жарче. Оно пробивалось уже катастрофически активно, грозя разорвать байкера изнут-

ри. Предельная концентрация сил и фокусировка сознания давались паладину весьма тяжело. И вот рьяный слепящий свет из нутра плоти воина-пилигрима, исходящий, казалось, от самой его души, начал материализовываться в самом прямом смысле слова. Сияние распалось до предела и стало искрить, разбрасывая в стороны капельки то ли искр, то ли сгустки жидкой магмы. Кисть, плотно прижатая к лицу беса, раскалилась добела. Окровавленная измождённая голова перестала неистово дергаться от боли и начала буквально плавиться под тяжестью руки при невообразимом жаре от внутренней энергии байкера. Воин-пилигрим в прямом смысле слова испепелял беса, выжигая его плоть своим истинным светом, внутренней энергией, исполненной как откровение, словно дар вселенной. Плоть банкира плавилась и таяла, сгорая. Было очевидно, что вместе с ней выгорала и вся его сущность, всё естество. Изничтожалось само проявление противоположности паладина света, как факт, как явление.

То, что бес обещал сделать с байкером, свет сделал с тьмой. Беса не стало. Совсем. Он исчез, затерявшись в небытии, но и там от него не осталось ничего так, словно его никогда не было. И больше его точно не будет. От его «тел» и проявлений осталась безграничная в своей ничтожности пустота. Но не было даже и этой пустоты. Не было уже ничего, связанного с ним.

Байкер рухнул на землю абсолютно обессиленный, как

мешок, набитый чем-то плотным, например мясом с костями, который небрежно и без церемоний скинули с грузовика при разгрузке. Но нужно было продолжать. Осталось совсем немного – добраться до тех умирающих маленьких тел возле дуба-великана.

Встать паладин уже никак не мог, как бы ни старался. Да он даже и не пытался, зная, что это невозможно. Тщетно. Сил нет. Всё. Кончено.

Тогда он пополз... С ожесточением, вгрызаясь в землю, и харкая в грязи кровью. Он пополз... Цепляясь всем, чем только можно за почву, байкер с упорным остервенением подтягивал себя к цели сантиметр за сантиметром. А ещё с надеждой... И мольбой.

Осталось немного... Нет. Только половина пройдена. Все-го-навсего половина. Ещё ползти целую половину... А силы иссякли полностью. Байкер уткнулся лицом в землю, окунувшись в грязь. Он тихо прохрипел то ли сам себе, то ли кому-то ещё, хотя рядом, вроде бы, никого не было.

– Я не смогу... Не смогу...

Паладин в последний раз поднял голову, чтобы посмотреть туда, куда ему не суждено было добраться. Он смотрел в ту сторону с безмерной жалостью и печалью в глазах, которые стали мутными и стеклянными из-за скопившихся в них слёз. Байкер моргнул, и собравшаяся на нижних веках жидкость, встревоженная рефлекторным движением, обильно скатилась по морщинам около носа, задер-

жалась на уголках губ и капнула на холодную землю, разбавив жидкую грязь солёными слезами. Воин-пилигрим плакал. Он смотрел туда, где лежали тела совсем ещё маленьких детей, и плакал. Голова снова опустилась, лицо покрыла маска из чёрно-коричневой жижи. Байкер сожалел. Он корил себя за бессилие и беспомощность. Ведь он так много сделал, но не довёл дело до конца... Не спас юные жизни... Не вывел спираль цикла на новый, более высокий уровень, а попросту замкнул кольцо этой спирали. Он свершил суд, но не восстановил справедливость.

И сейчас он умирал. Безысходно уходил из этого мира. Полные горя глаза снова подняли взор, чтобы увидеть прекрасное творение жизни – многовековой дуб – символ единства и неделимости, гармонии и идеального баланса всех составляющих, идеальный монумент вечности и бесконечной стойкости всего существующего.

Там, возле дуба, он увидел чудо – два маленьких призрака, два бестелесных духа. Два микрокосмоса, «истинные я», проявления души, заключённые в тонкие энергетические материи, весьма зыбкие «тела». Лицо байкера приняло изумлённый вид, зрачки расширились, сердце забило в бешеном рваном ритме, грозя вот-вот вырваться из груди. Банкир был прав, когда говорил о душах детей, о «бестелесном опыте» и левитации сознания. Конечно, бесу не нужны были тела, тела – лишь плоть. Банкира интересовали две юные души, они были ему необычайно важны, крайне необходимы

в его коварных планах.

Байкер уже никак не мог к ним приблизиться. Он был практически при смерти. Всё, на что его хватило, это движение руки. Паладин вытянул её максимально, как только мог, пытаясь дотянуться то призрачных образов, которые молчаливо и беспристрастно охранял древесный великан под своими массивно раскинувшимися ветвями. Байкер напряг и растопырил пальцы, концентрируя усилия на кисти руки, устремившейся вперёд, потом плавно перевёл фокус зрения на души детей... Всё стало размытым, словно изображение утратило резкость и чёткость... Паладин отключился, потеряв сознание.

...

В мутном окружении байкеру предстали знакомые ботинки. Как будто он видел их раньше и даже знал, кому они принадлежат. Кто-то подходил к нему ближе и ближе, хлюпая грязью под ногами. Какая старая и странная обувь, ботинки с брюками. Ну, кто так носит? Под брюки нужно же туфли. Я умер? Нет... Пока нет... Но вот-вот умру. Уже очень скоро. Всё. Это конец.

Человек в дурацких старых ботинках и брюках со стрелками подошёл совсем близко к телу байкера, лежащему без чувств, присел на корточки возле него и положил руку на голову умирающего паладина. Положил бережно и мягко.

Байкер услышал сквозь обморочную пелену чей-то голос,

или ему только показалось, что он что-то услышал, так как мрак постепенно заполнял его разум и глубины сознания. Всё стало в дымке. Паладин почувствовал, как проваливается в плотный туман, всё больше погружаясь в небытие, а его уход сопровождают слова, доносящиеся из ниоткуда:

– Ты всё правильно сделал. Не волнуйся. Не бойся. Теперь всё хорошо. Ты – молодец. Не волнуйся. Прошу, не покидай меня. Остайся здесь со мной. Искренне молю. Взываю, услышь. Не покидай этот мир, прошу, остайся со мной... Во имя царства света... Заклинаю... Подниматься... Мира... Остайся... Освободить... Астральн... Уровень человека... Бессмертное... Тело... Сознание... Жизнь... Цикл... Между смертью и рождение... Жду рождением и смерть... Реальность... Смерти нет... Предела нет.

5

Шум и боль в голове ясно дали понять, что фаза сна проходит вместе с тем, как приходит чувство реальности. Надо сказать, паршивая какая-то реальность. Паршивая, рутинная, реальность. Не выспался... Лёг поздно, вот и не выспался. Даже материться на себя не хочется. Ещё этот странный сон про драку на поляне. Устал. Изо дня в день одно и то же. Утром, когда разбит, как Икар, зарекаешься лечь пораньше, выспаться, отдохнуть. Клянёшься. А вечером... Да, какой там... Уже глубокой ночью, перед тем, как спать остаётся четыре – пять часов, проклинаешь всё вокруг, себя же – в первую очередь.

Сон был, правда, странный. Не дурацкий, нет... Даже интересный, прикольный такой сон. Нужно поменьше бои без правил смотреть на ночь, наверное. Кто там, кстати, победил? То ли банкир манерный на деловых понтах, то ли... Нееет, кажется, brutальный отщепенец... Байкер... Или они оба умерли в итоге... Ааа, какая разница.

Телевизор сработал, как будильник, включившись в назначенное время на привычном музыкальном канале. Уж, лучше просыпаться под звуки музыки, какая бы она не была. Ведь мысль, что это – музыка, заставляла думать о себе, как о человеке с высокими культурными ценностями. Хотя музыкой «это» назвать было весьма трудно. То, что играло

на попсовом канале, по сути и было самой пошлой на свете попсой. Грудастая «певица» с длинными тёмными волосами стояла вся мокрая под проливным дождём и открывала рот под фонограмму. Песня тут, конечно, не главное, гораздо важнее сам образ сексуальной красотки, которая так страдает о чём-то, выставляя напоказ свои соски, сжавшиеся от холода, и выпирающие из-под платья. Платье, кстати, тоже не отличается изяществом, скорее, оно вульгарное, а теперь ещё и мокрое от воды из шланга, с которого её поливали по задумке режиссёра клипа, имитируя дождь. Тут всё имитировалось: эмоции, песня, талант, картинка, смысл. Круто, короче. Сиськи, платье в стиле «минимализма», смазливая мордочка, если можно применить такое словосочетание к женщине под полтинник с кучей пластических операций на лице, округлые мясистые формы филейной части, стройные ноги, каблук... Вся такая влажная, желанная, о чём-то ещё и поёт... Талантливая, значит. Людям такое должно нравиться.

«...И этой смерти вопреки
Бежит течение реки.
Реки любви, реки надежды...»

В целом картинка, вроде бы, складывается. Слова из этой песни понемногу начали проникать в сон, созвучно становясь частью фраз, произнесённых героями ночного видения.

Не ночного, а утреннего. Видимо, организм начал понемногу просыпаться, и в ещё затуманенное, не выспавшееся сознание доходили звуки из реальности.

Голова болит жутко. Спал, кроме того, что мало, так ещё и плохо. Таблетка помогла, но не до конца. Может, давление? Да, погода, наверное. Весна в этом году как-то рано пришла, что творится, не понятно. Не понятно, от чего проснулся или от телевизора, или от шума в голове. Только не закрывать глаза, только не расслабляться, а то усну опять. Собраться и поднять голову. Есть. И что дальше? Как хреново-то... Долбанная пятница... Долбанный конец рабочей недели... Долбанное утро... Долбанная усталость... Долбанный я...

«Как бесконечность длится час,
Смерть с расставанием – не для нас.
Предела нет. Душа и чувства вечны...»

Красотка, однозначно. Эффектная красотка. Слова, кажется, неплохие, текст, явно, не она писала. Неплохая шутка, молодец. О, я ещё и шутить изволю. Хорошооо. Ммммм, голова... Как болит... Интересно, а она хоть понимает, о чём поёт? Она вообще вдаётся в смысл слов? Смерть... Течение реки времени... Любовь... Надежда... Бесконечность... Предел... Чувства... Вечность... Ты что, дурак? Вставай, давай. Для начала попытайся хотя бы глаза открыть.

Глубокий вдох. Голова на миг стала ясной и лёгкой, как

после приличной дозы свежего воздуха ранним утром, пропитанного утренней сыростью кристально чистой росы, бодрящими запахами леса и луговых трав. Блаженная улыбка и светлое ощущение прилива жизни в теле. Сидя тут, на кровати, с раскалывающейся от зудящей боли головой, не выспавшись, вдруг захотелось внутренне произнести себе что-то приятное, пока ещё не открыл глаза. Я живой. Я чувствую себя. Я живу. Спасибо. Я люблю жизнь. Благодарю то, что я часть этой жизни. Спасибо.

А теперь вперёд, навстречу бессмысленной пошлости и бесполезному идиотизму, которым мы все тут занимаемся. Животный мир. А я – его насекомое. Итак, дамы и господа... Мы начинаем новый выпуск программы «В мире животных». О, Боже, надеюсь, кофе мне поможет.

С этими прекрасными, возвышенными мыслями, полными иронии и сарказма, как к себе, так и к окружающим. Ещё сонный человек, сидящий на кровати с закрытыми глазами перед телевизором, в котором «только для него» надрылась брюнетка с красивой и аппетитной фигурой, открыл сначала один глаз, шутя и играючи, посмотрел вокруг, насколько хватило радиуса обзора, потом, убедившись, что его безопасности ничего не угрожает, разомкнул второй глаз. Сделав безучастное и разочарованное выражение лица, вздохнул и встал с кровати, пройдя пару шагов, обернулся. Он смотрел на мягкую, уютную, ещё тёплую постель, которая манила его в свои объятия, обещала ему все прелести

глубокого, здорового и сладкого наслаждения от необыкновенного пленяющего сна. Он представил себе, как мог бы поспать на ней ещё пару-тройку часов и проснуться уже совсем другим человеком. Представил. Подумал. И забыл.

– Извини, мне нужно собираться. Меня ждут великие дела...

Обида на себя, вроде как, прошла, и парень смирился со своей участью, приняв её, как неизбежное. Нужно идти на работу. В конце – концов, он не в первый раз не высыпается. Просто нужно жить дальше, тем более, что с этим фактом можно жить. Мы сами создаём себе трудности из ничего, чтобы потом их героически преодолеть, повысив тем самым собственную самооценку. Вот так и сейчас этот молодой человек стоял перед зеркалом в ванной и с неохотой смотрел на своё сонное отражение, одновременно жалея себя, потом уговаривая себя, и, наконец, восхищаясь своим характером и стойкостью.

Рука привычным движением открыла кран. Из смесителя потекла тёплая вода. Парень сунул обе ладони под струю, ставшую уже немного горячеей, но это ничего, так даже лучше. Он стоял, облокотившись на раковину, грел руки и пытался пропустить полученное от воды тепло во все клетки организма, напитать им каждый участок своего тела. Парень забылся, снова погружаясь в сон, только уже стоя. Засыпая, он пытался управлять незримыми ментальными потоками внутри себя, направляя их к макушке головы, пропитывая

там это тепло информацией, заряженной положительными энергиями своих мыслей, и опуская струящуюся материю тепла в середину груди. Всё пространство грудной клетки заполнялось чем-то добрым и волшебным, после чего приятная греющая масса растекалась по всему телу до кончиков пальцев ног.

Теперь гораздо лучше. Странный ритуал. Но это помогает. Или даёт иллюзию, что помогает. По крайней мере, в тело кроме сарказма снова вернулась жизнь, и вселилось ощущение покоя, а отражение в зеркале уже не казалось таким противно унылым и безразличным ко всему.

Окончательно прогнав вялость и сонливость, парень пристально взгляделся в зеркало, чтобы оценить внешний вид того, кто смотрел на него с той стороны. Русые волосы коротко выстрижены на висках и затылке. На макушке же – средней длины. Чёлка была взъерошена после беспокойного сна и стояла торчком. А что?.. Так вполне нормально, сегодня даже причёсываться и укладываться не нужно. Пусть будет лёгкая небрежность. Назовём это «творческой хаотичностью образа». Хотя, скорее, это была уже неряшливость, потому что взъерошена была не только чёлка, но и на макушке клоками торчали вихры. Тем не менее, этот «стиль» был привычен глазу, действительно, современный вид, характерный для нынешней молодёжи. Так обычно ходят «хипстеры» или неформалы, сложно сказать, слишком много сейчас различных течений социальных культур и субкультур. А вот лицо

было, напротив, выбрито начисто ещё перед сном. И сейчас рука снова потянулась за бритвенным станком и пеной для бритья. Когда лезвия с лазерной заточкой прекратили скоблить кожу на лице, а вода бодрящей прохладой освежила сознание и привела разум парня в ясное состояние, тот ещё раз, но теперь объективно оценивая, взглянул на свой просветлённый вид. Из стекла с отражающим покрытием на молодого парня смотрел ничем не выделяющийся образ, имеющий довольно классическую внешность с правильными чертами лица, немного резкими скулами, в меру сочными губами средней припухлости, равномерно посаженными глазами на приятное взору расстояние от переносицы. Иногда глаза у людей посажены далековато друг от друга, а иногда слишком близко, у него же это условие соблюдалось идеально. Довольно широкий и высокий лоб, но это впечатление, возможно, усиливалось из-за приподнятой и встревоженной бурным сном чёлки. Аккуратный и не слишком большой, прямой нос без горбинок был не сплюснутым, а, напротив, выдающимся и чётко очерченным. Никакой смазливости или налёта романтизма на лице не присутствовало вовсе, но определённая харизма, несомненно, проявлялась, а приятные черты не вызывали отторжения или негативных эмоций. Такое лицо весьма располагает к себе отсутствием явных недостатков и дефектов строения, обладая, скорее, достоинствами в простоте форм и чёткости линий. Стандартная внешность, если можно так выразиться. Немного выдающийся вперёд под-

бородок, который с натяжкой можно даже назвать волевым, имел небольшую ямочку посередине. Простое, весьма мужественное, хотя и юное лицо с дерзкими чертами решительного человека. Ясные, чистые и открытые глаза бледного зелёно-голубого цвета, окаймлённые ярко-синим тонким ободком.

Снова вспомнился странный сон. Удивительно, но это ночное видение было у парня уже не первый раз. Что-то подобное снилось ему периодически... Время от времени. Может, с этим были связаны определённые жизненные ситуации, которые таким образом отражались в его психике и проявлялись в голове в виде галлюцинаций, а может, всё увиденное было лишь странной, но безобидной красочной фантазией. Факт таков, что сегодня этот сюжет снова ему приснился, причём не так, как обычно. Раньше сны были обрывистыми и смутными, словно пред ним представали какие-то образы и отрывки от картин. Так, словно это были не полностью сложенные пазлы, отдельные детальки от которых были перемешаны друг с другом или просто отсутствовали. Порой снился сон, а на утро в голове было пусто, вообще ничего, лишь неприятное ощущение то ли тревоги, то ли смятения, то ли предвкушения чего-то важного и необычного. Иногда видение проявлялось ясно, иногда расплывчато, иногда частями, иногда практически полностью. Но на этот раз всё было иначе. Как будто он сам был в этом сне, а сон был вовсе и не сном, а необычайно правдоподобной виртуальной ре-

альностью. Можно было почувствовать каждую мелочь, каждую деталь, которая была во сне, ощутить всеми органами чувств любое явление, воздействие. Это была уже не виртуальная реальность, а просто самая настоящая реальность. Яркий, эмоциональный, впечатляющий, наполненный жизнью сон.

Парень несколько минут стоял над раковиной с включённой водой, текущей тёплой струёй из-под крана, и переваривал у себя в голове то, что с ним случилось ночью, осознавая и прокручивая всё по новой, удивляясь детальности, и поражаясь реалистичности восприятия галлюцинации своего подсознания. Это одновременно и восторгало его, и настаивало. Нормально ли всё это? Задумавшись, он уставился пустым взглядом в воду, стекающую на белом фоне раковины. Потом, переведя внимание, он безучастно смотрел на своё отражение в зеркале, не видя в нём себя. Только одно слово уверенно властвовало у него в голове – «грандиозно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.